

Ксения Лузгина

Сказки Перехода

Сказка первая

Ключ от Города

Часть первая

Ксения Лузгина

Сказки Перехода. Ключ от Города. Книга 1

<https://litres.ru/74262582>

SelfPub; 2026

Аннотация

"Сказки Перехода" - связка историй о Низинах, закрытом от остального мира городе, где рой Тени провоцирует катастрофы и резню, а спасение жителей кроется в том, как каждый из них распорядится своим временем.

Вам откроется сказочка о дедушке, который спал и видел, как он вгонит в гроб собственного внука. Или сага о мудреце и его тени. Или песнь о влюбленных, коим нельзя быть вместе, но судьба увязала их в такой узел, что проще разорвать проклятье целого города, чем эту связку. Или исповедь любителя подразнить бегущих по его следам псов, кем бы они ни были: представителями закона, шайкой убийц или членами тайной гильдии, сотоварищами по ремеслу.

А быть может, вы обнаружите в пространстве текста отголоски исторических реалий или архетипические ходы, уводящие в глухую древность, когда сказки были способом выжить, а Переход - одной из структур, на которых держится мир?

Кто знает...

В общем, заходите.

Главное - во имя Семерых Праотцев! - не потеряйте ключ от этого города)

Содержание

Часть 1. Голоса в Безвременье. Глава 1. Дин.	5
Хозяин корчмы	
Глава 2. Мириам. Встреча с городом	35
Глава 3. Сон. Лес прорастающих мелодий	51
Глава 4. Лис. От рассвета до рассвета	88
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Сказки Перехода. Ключ от Города. Книга 1

*"... Освобождение приходит
неожиданно. Когда все твои
стволы-опоры – в щепу... когда
клочкастым лыком отслаивается
кора, а листья и стебли годятся
только в пищу для костров. Тяжкая
штука – этот железный мир.
Врастаешь в него живым, юным и
полным сил. А каким пробьешься
насквозь, к Сиянию, неизвестно. Да
и пробьешься ли еще... Не истлеть зелеными
огоньками, а даже сквозь смерть свою прорастить
живое. Помни об этом, брат, – и ты всегда будешь
свободным...»*
Ткаческий Канон

Часть 1. Голоса в Безвременье. Глава 1. Дин. Хозяин корчмы

... Не ждал меня?

Я и сама не думала, что когда-нибудь мне придется – вернуться. Да еще и по такому поводу.

Я слышу, что надвигается на тебя. Эта волна намного

сильнее предыдущих, верно?

Я могу помочь тебе выкарабкаться. Насколько сумею. Не от великой к тебе любви. Ты же знаешь, мне отраднее было бы сплясать на твоих развалинах – вопя от радости, что тебя больше нет.

Я и шагу не сделала бы к твоим границам.

Если бы не мои люди – за твоими стенами. Я – за ними пришла. И ты – отдашь их мне, как только моя работа здесь будет завершена. Это будет нечто вроде диверсии. За которую ты заплатишь мне так, как я скажу.

И ты – пойдешь на это. Если хоть немного хочешь жить. Слышишь, Тимер?

.....

Резкий свист паровоза вышвыривает меня из полудремы. Подхватываю рюкзак, выбираюсь в тамбур – как обычно, на сороковом километре.

Залужье. Здесь пограничная станция: поезд, идущий в Низины из других земель, отцепляет вагоны – чтобы их подхватил местный локомотив, с местными же машинистами.

Ну, и с теми, в чьем ведении сейчас контроль за всеми прибывающими в город. Вот с ними мне совершенно не стоило бы сталкиваться. Несмотря на хваленое наше чужаческое «везение» – а по сути, всего лишь чуть большую устойчивость к Тени, чем у низинных собратьев...

Стою у окна, глотаю ветер – и восстанавливаю в памяти только что пронесшийся сон. «Слышишь, Тимер?» – что это, откуда – этот его отголосок...

1.

Ри приезжает по темноте. Ночной поезд, отсалютовав ей коротким гудком, срывается с места и с рёвом устремляется в тоннель под холмом. А через полчаса Ри уже стучит в окно, выбивая особую дробь, наш с ней условный сигнал: «Впусти!»

Впускаю.

Ри коротко обнимает меня в прихожей. От неё пахнет пылью, креазотом, до чертиков надоевшими разговорами со случайными попутчиками и прокуренным тамбуром... И ещё – едва-едва – свежей травой, только что скошенным лугом.

Ни слова ни говоря, она скидывает с плеч тощий рюкзак и, держа его перед собой, как щит, быстро проскакивает пустую трапезную и темный предбанник – коридорчик между несколькими до отказа забитыми общими комнатами со спящими в них ночлежниками. «Мотылем», который будет поутру разобран лоцманами – и препровожден, кто куда заказывал.

Не скрипнув ни одной ступенькой, Ри взлетает по лестнице вверх – в наше с Зоськой обиталище. И, не дойдя до комнат, заруливает в ванную.

Кидаю ей в спину узел с полотенцами.

Подхватывает на лету, смеется глазами, прикладывает па-

лец к губам – не разбудить бы никого. И исчезает за дверь.

В общем, все как всегда.

К тому времени, как Ри выползает из ванной (розовая, свежая, утонувшая в моем халате – зоськин-то ей маловат) – у меня уже всё готово. Первая помощь понаехавшим голодайцам – шкворчащая на сковородке яичница с беконом и помидорами и сладкий чай. Мы запираемся в кухне наверху – и Ри набрасывается на еду, словно неделю питалась одной водой.

Хотя – кто ее знает, это вполне может оказаться правдой... С нашей Ри никогда не угадаешь, где и как она живет. И – чем.

– Лови! – мой понаехавший голодаец наклоняется, подцепляет что-то в недрах своего рюкзака и вытаскивает пару плотных бумажных пакетов. Один из них чуть раскрывается – и по кухне разливается одуряющий, восхитительный, ни с чем не сравнимый аромат. Цветы с Синих гор. Редкость, рядом с которой бледнеет и чахнет любая столичная Книга ботанических диковин. Сокровище, сравнимое разве что с золотыми россыпями в тайных хранилищах древних царей из моих детских книжек.

– Это вам с Зоськой. В этот раз побольше удалось прорастить. Лет на пять-шесть должно хватить.

– На сколько? – от этого запаха я расплываюсь, я теряю соображение и волю, я готов влезть в тот самый пакет и жить там до смерти... которая меня в этом случае не настигнет,

потому что цветы с Синих гор несут долголетие и прибавляют сил... не считая того, что именно в наших Низинах они еще и помогают отодвигать от себя Тень, – а это здесь, наверное, самое важное...

Ри захлопывает пакет перед моим носом. Сматывает его бечевкой. Перебрасывает на подоконник – подальше от меня. Бросает в сердцах:

– Ей-Богу, чувствую себя наркокурьером каким-то, – и повторяет, глядя в упор : – На пять. Если торговать этим не начнешь. Сам понимаешь, часто мне в горы нельзя... да и попаду ли я туда теперь вообще...

Да. Понимаю. И то, что ты только что оттуда – тоже. И что неслась сквозь все заставы и кордоны вокруг Низин – каким чудом они всегда тебя пропускают?

« И – знаешь что, Ри? – мысленно бросаю я ей, закаменев лицом, стараясь не упасть взглядом в ее потемневшие, усталые-усталые глаза. – Если бы я только мог... Я бы наврал что-нибудь этакое – пересыпав правдой, так, чтобы ты поверила... Надавил бы – чем только можно... да черт возьми, я даже опять разругался бы с тобой вдрызг, чтоб ты больше не ездила сюда. В Низины. Чтоб не смела так рисковать. Только ведь не поможет это ничему...»

Не удерживаюсь – падаю. Внутрь ее зрачков – пары чёрных трясинных окошек.

– Не поможет, – соглашается со мной болотная мгла. – И

знаешь ты не всё.

На миг меня обносит апрельской стылью и запахом размокшей древесины. И тут же выдергивает обратно, на нашу тёплую кухню: веселенькие занавесочки в зоськином вкусе, какой-то зоськин же «дико полезный» суккулент на подоконнике, уютный бардак, столешница с затейливой скатерткой. И Ри, моя Старшая, – с глиняной кружкой в руках, на скамейке напротив. Зябко повожу плечами, сбрасываю с себя морок.

Ри на миг закрывает глаза, какое-то время молчит. Затем многозначительно кивает в сторону спальни, где спит Зоська, и вопросительно вскидывает брови.

– Да не услышит, дрыхнет она без задних лап, – нетерпеливо шепчу я. – Она у меня, как только тошнота миновала, сонная стала, как сурок, чуть что – в нору.

– Ну и хорошо, – Ри улыбается. – Пусть сейчас отоспится... потом-то ведь вам обоим не до того будет. Родители!

– Ри... – укоризненно тяну я. – Не темни. И зубы не заговаривай. Рассказывай – о чем ты хотела...

Она отводит взгляд. На ее правой щеке проступает ямка – верный признак, что Ри нервничает.

– У меня к тебе просьба, – голос ее становится виноватым. – Дин, проводи меня в этот город. За стену.

И добавляет торопливо:

– Я всё понимаю. Но... нет других вариантов. Совсем нет. Я уже всё просчитывала тысячу раз. Мне надо в нем... по-

жить какое-то время. Как раньше.

Мысленно роняю и подбираю с пола челюсть, прихожу в себя:

– Ты хоть понимаешь, что будет, если нас засекут? Фиг с ним со мной, я выкручусь, мне не впервой. Но ты... я тебе даже помочь не сумею. Да как тебе в голову это могло прийти – не к нам в предместье, а в сами Низины соваться? Особенно сейчас? Это затейливый способ самоубийства такой? С моей помощью?

Она не успевает ответить – из смежной комнаты доносится шлепанье босых ног, и в кухню просачивается Зоська – встрепанное домашнее привидение в тёплом одеяле.

С испуганными-испуганными глазами.

– Я все слышала, – отрывисто говорит Зоська, и губы у неё вздрагивают. – Даже не думайте. Ри, пожалуйста... вы же оба в Амфитеатр угодите! А если и нет... тебе известно, как здесь расправляются с вашими?

– Всё будет хорошо, – Старшая мягко улыбается моей маленькой жене. – Я знаю этот город... слишком хорошо и слишком давно знаю, чтобы позволить ему нас сожрать. Зось, это все вот для чего нужно. Цикл Низин завершается, может прийти очередная «волна» – а мне известны люди, которые сумели остановить ее в прошлый раз. И я хотела бы их найти... понимаешь?

Они с Зоськой обмениваются странным взглядом – две встревоженные женщины, которым ведомо то, чего ты не

просто не понимаешь – не замечаешь в упор.

Я не успеваю почувствовать себя полным дураком при этих тайновидицах – Зоська встряхивает своими спутанными кудрями и шепчет – нервно, взвинченно, словно готовится через пропасть перепрыгнуть:

– Ри, Дин тебя отведет. Куда тебе нужно, туда и доставит. Наизнанку вывернется, чтобы вас не замели. Устроит на месте – так, чтобы к тебе не подкопаться было. Ты ведь... знаешь, что делаешь. Только бы у тебя удалось – все, что ты задумала. И – Дин, слышишь? – я свихнусь. Я помру тут, прямо в этой кухне, при всех этих чертовых ночлежниках в доме. Я – честное слово, так и будет! – брошу тебя, если ты опять попутно вяжешься в какую-нибудь авантюру. Если вы оба – не вернетесь...

– Да что вы, с ума посходили, что ли? – беспомощно ору я шепотом. – Что стряслось-то?

Зоська не слушает меня, смотрит поверх моей головы остановившимся взглядом.

– Я-то, дурочка, думала, это мне одной кажется. Сны всякие в голову ломятся, о наводнениях, о толпах на площади... о пожарах, – Зоська вздрагивает, будто бы вспомнив что-то. – Так то сны, не явь... Ну, мало ли что примерещится, мало ли какие заскоки у беременных... Но – люди стали другими. Глаза у них – другие, а сами они – будто чернеют изнутри. И я временами – такая же... словно головешка обугленная... и даже ты, Дин. Ри, ты ведь тоже это почуяла, верно? Потому

и рвешься туда, куда тебе путь заказан. Потому и цветов нам привезла. С запасом. Чтобы если что... – Зоська утыкается Ри в плечо, плачет. Та молча гладит мою жену по голове, целует в висок – словно малого ребенка успокаивает.

– Дин, ты просто не знаешь, – всхлипнув в последний раз, выдыхает Зоська. – Ты здесь недавно живешь, прошлого раза не застал. Да и чуем это только мы, местные. Ну и вот они, – Зоська кивает на Ри. – Время останавливается. Время этого города. Так уже было – когда я была совсем маленькой. И... я даже думать, даже вспоминать не хочу о том, что было тогда!

– Период Безвременья в городе с такой Тенью..., – качает головой Ри, – в общем, если бы я не знала всех погрешек Низины, то сказала бы, что лучше бы вам, ребятки, съехать отсюда по-быстрому. Куда-нибудь километров этак за тыщу. Лет на несколько. Если не насовсем. Тут шандарахнет... ну, может шандарахнуть, – поправляет себя Ри, – такой тьмой, что и костей не собрать. Но... Зось, ты отсюда уехать не сможешь, ты – здешняя, тебя Тень держит. Так что вариант с бегством отпадает. Значит, – Ри решительно поднимается со своего места, сгребает кружки и несет их к раковине, – остается одно. Ждать. Вам обоим. Пока я тихонечко сползаю на разведку и узнаю, как дела у тех, кому в прошлый раз удалось отогнать Тень обратно и запустить одни Часы...

...Стоит лишь уронить затылок в подушку, как оказываешься у ворот Синегорья. Твоего Города. Знакомого каждой третиной в штукатурке старых зданий. Каждым деревом и каждой затихшей в листе пичугой..

Ночного. Спящего.

Идешь по еле освещенным улицам, заворачиваешься в черноту переулков, заведешь случайных прохожих: не напугать бы. Взбираешься на мост – и стоишь так долго, долго, всматриваясь в бурлящий поток. Тебе кажется, что ты – вот-вот увидишь то, за чем ты пришла.

Вот-вот поймешь...

Вот-вот расслышишь в клокоцущих бурунах – свое имя. Не Мириам, не Ри. Настоящее...

И когда небо начинает светлеть, а тень твоя – исчезать, Синегорье тает и рассыпается водяной пылью. А ты все медлишь открывать глаза... все ждешь. Все пытаешься хотя бы мысленно – вернуться...

.....

...Когда я, обреченно шарахнув по заверещавшему будильнику подушкой, сползаю с кровати, из кухни уже доносится осторожное позвякивание посудой. Укутываю плотнее одеялом спящую Зоську, одеваюсь. Сонно бреду на запах – что-то сделанное на скорую руку, но вкусное и сытное: только так Ри и готовит.

Продираю глаза. Кухня тонет в рассветном полумраке. На занавеске над запотевшими стеклами – косой росчерк пер-

вого солнечного луча.

– Ты хоть спишь когда-нибудь? Бешеные жаворонки... на сковородку всех вас, – ворчу я, глядя в ясные – ни капли дремоты – глаза Ри.

Она смеется, машет рукой:

– Да ну, какие жаворонки... Просто – выходить же пора. И лучше сейчас. А не по темноте. Караул на рассвете ленивый, просочиться внутрь – легче. Не то что ночью – ночью они все звери. Ты прости, будильник я тебе перевела. Ну не могу я здесь полсуток сидеть, вас подставлять.

– Да кто о тебе узнает-то, ночлежники, что ли? Так они к обеду выметутся все! Спрячешься пока... А я поговорить с тобой хотел. Давно ведь не виделись, Ри! И Зоська расстроится, когда проснется.

– Чем быстрее ты вернешься, тем быстрее ее обрадуешь, – Ри ставит передо мной блюдо с грибной запеканкой, и я понимаю, что спорить больше не о чем. Лопай скорее, Младший, и слушай своего Старшего... И не жужжи.

– Грибочки-то ведь тоже не из наших низинных лесов? – не удерживаюсь и подкладываю себе добавки. – Вкуснотища, однако! Охота тебе была тащить лишний груз по всем поездкам...

– Не из низинных. Цели травить друзей у меня пока не стоит, – ухмыляется Ри. – Все, что растет у вас вокруг города, ни на что другое и не годится. И леса здесь некоторые – будто и не леса совсем..., – ее лицо неуловимо меняется,

она словно бы уходит вглубь каких-то своих неведомых пространств, оттуда и отвечает. – Вдоль границ низинного края таких полно – они словно бы сороковой километр стерегут...

– Что с ними? Они мертвые, что ли? – интересуюсь я. Спрашиваю ради поддержания разговора: к тому, что у нас в Низинах, по словам моей Старшей, все наперекосяк, я уже привык, а вот к такой Ри, то и дело пропадающей внутри себя, – еще нет. И меня это тревожит. – Ну, высохли там, смы-вы с заводов их, что ли, добили?

– В том-то и дело, что нет! – глаза Ри снова вспыхивают трясинным огоньками откуда-то издали. – Живые. С виду – деревья как деревья, но тянут... вот просто душу из тебя выматывают. Ну и еще есть там кое-что... По обычному лесу когда идешь – тебе хорошо, легко. Звонко так становится, радостно, и сил словно бы прибавляется, даже если ты несколько верст отмахал. Сам же знаешь, сколько мы с тобой лесов исходили. А из выморочного бора ты – не выходишь, ты едва выползаешь. Умирая от потери сил. И – тошноты, будто отравили тебя. Все, что в таком месте растет, – одна отравя сплошная. В общем, ты с ними осторожнее, с этими приграничными лесами. Обходи стороной. У вас такой близко, аккурат за заброшенной железной дорогой начинается.

– Ого! То-то я гляжу, гречихинских пьяниц калачом в лес не заманишь. А я еще удивлялся: сколько мы с тобой ни ездили по городам и весям, на каждой станции перроны были грибниками-ягодниками обсижены – и совали эти синюш-

ные коммерсанты свой товар в нос каждому проходящему, лишь бы на бутылку добыть. А в Низинах такого и близко нет...

– Тень. В ней все дело, – Ри залпом допивает чай, ныряет в свой плащ – громадный, широченный, будто бы у какого-нибудь великана украденный – целый шатер, а не плащ! Тонет в этом брезентовом мешке – одни глаза видны. Подхватывает рюкзак и свои ботинки, босиком спускается вниз и шагает за порог, в узенький коридор-отнорок, которым можно пробраться в дальние сени, минуя ночлежников.

Для Ри все, что у нас происходит, можно объяснить Тенью. Я уже к этому привык – как к еще одной странности моей Старшей...

Корябаю на печном кирпиче для Зоськи стандартное «уехал за фуражом» – кодовое обозначение моих секретных вылазок, о которых не нужно распространяться. Выгребаясь вслед за Ри.

...Окидываю мимолетным взглядом высоченный забор вокруг корчмы – ох, сколько крови попили мне гречихинские старшины, прежде чем разрешили поставить этукую крепостную стену – новшество, не принятое в предместьях Низин. Немного горжусь – и этим частоколом, и собой, отстоявшим задумку перед властительным местным старичьем.

Выпускаю Ри в восточную калитку – ту, за которой – тропа до самой Пеньковки. Неслышно защелкиваю мощный замок.

Ну, в путь...

Гуськом петляем по извилистой тропке меж чахлых огородных грядок, минуем околицу – и вот мы уже в поле, змейкой шелестим по еще не убранному овсу сквозь полосы осеннего тумана. Ри – впереди. Я – чуть поодаль, шагах в пятнадцать. Прикрываю. Присматриваюсь, прислушиваюсь и едва ли не принохиваюсь – не пустился ли кто вдогонку, не выпростать ли из-за ворота свитера заветный футлярчик...

Но нет. И в этот раз всё чисто. И до самого Комариного брода близ от Пеньковки мы добираемся без приключений.

«Ну и везунчик же ты! Ни одной стычки за всё лето! – говорю сам себе, когда мы спускаемся к тёмной воде, водоворотом уходящей под железнодорожную насыпь. – Знали бы другие лоцманы – обзавидовались бы. И конкурентов у тебя, Дин, поубавилось бы стократно». Но – тут же осаживаю сам себя: дурная примета – хвастаться, пусть даже мысленно и перед самим собой, – не завершив дело. Да и, справедливости ради, не потому ли у меня и идет все без сучка без задоринки, что я – подпольный, я не в тайной гильдии, обо мне и не знает никто?

И хорошо, что не знает. Станные люди – жители этого города и его предместий. Вроде бы вовсе не дураки лишнюю денежку заработать. Я в свое время именно потому и решил-ся в Низинах осесть, что здесь играючи за несколько лет разбогатеть можно. А местные – ну, не все, конечно, а те, кто умеет – мастерски это делают, пятки на ходу подрезают. Но

при этом традиции свои – а точнее, пережитки с суевериями напополам! – чтут твердолобо. Всё как Петрович, рыжий кривоносый урядник, втолковывал, когда я пришел к нему за разрешением открыть корчму. Досталась она мне за сущие копейки – полусгоревшая, брошенная со времен прошлого Безвременья. А я ее – восстановил. И переделал – так, как мне удобнее. Знать бы мне тогда, что я на дочке покойного корчемника и женюсь... и что тот самый урядник ей дядькой и опекуном приходится...

Так и стоит передо мной его хитрая рожа со шмыгающими по сторонам глазками, и голос его – жидкий, комарино-назойливый – как вживую слышу:

«Не годится доброму корчемнику лоцманом подхалтуривать, и все тут. Даже думать в эту сторону не моги. Это для наших деревенских – примерно как ремесло пекаря сочетать с золотарным делом. Лоцманы – всегда около закона, но никогда с ним – не в строку. Потому они – сегодня здесь, в твоей корчме пьянствуют, а завтра – в подвалах Амфитеатра Колесо толкают. Да и водиться им приходится со всякими вещами. Непонятными... В общем, чертовщинкой от них пахнет. Добра не жди... Корчемник же – совсем другое. Он – человек уважаемый. Он должен людей принимать. Размещать и кормить. Даже тех, кто к тайной лоцманской гильдии принадлежит. И всех, кого лоцманы переводят, тоже всячески обихаживать. Где-то сельчан подмазать, чтобы молчали в тряпочку. Где-то мне, родственничку, рюмашку

предложить. А из города если полиция нагрянет – посредником быть, рассказывать обо всех, о ком выспрашивать станут. Со властью если по-хорошему, так и мы – с пониманием... В общем, круть-верть, и все на одном месте. Так что ты, парень, смотри... чтоб всё чисто было. Правила чтоб, не нами заведенные, не нарушать! »

А я – всю жизнь ненавидел правила.

Почти так же сильно, как – на якоре стоять.

Города на моей памяти – один сплошной калейдоскоп... даже не припомнить, сколько я их поменял за свои двадцать с лишним. Пока здесь, в предместье Низин, не встретил мою Зоську. Моё несносное тонконогое чудо с глазами-черешнями и хрипловатым мальчишечьим голосом. И – влип. Даже сам не понял, насколько. Намертво. Потому что ей из Низин – не выбраться. Низины – своих так просто не выпускают... А значит, и мне отсюда тоже ходу нет. Даже если у меня хватило бы сил вырваться из-под низинной «печати»...

Только у меня от этого рвет крышу.

Может, и лоцманство моё – тоже от этого. А вовсе не от того, что на нём заработать можно втрое против дохода хозяина постоянного двора .

Спотыкаюсь – да так крепко, что едва не лечу носом в глинистый откос .

Раздумался.

Расслабился, проводник хренов!

А что, если бы сейчас не ком земли под ногу, – что если бы тебе, лоцман ты недоделанный, стрелка в спину прилетела б? С ядом. От соседей-соглядатаев или от конкурентов твоих. Такая, к примеру, какие ты сам в своем футлярчике на шее таскаешь – мало ли чего. Убить, может, сразу и не убьет – но приложит надолго... а там и повязать тебя, дурака, пара минут... и в управу сдать... и денежку, денежку от местной полиции получить за нарушителя закона.

И ладно бы, один ты попался. Ну, или с кем-то из этой унылой братии – тайных переселенцев, «мотыля», как их лоцманы зовут. А ты – Ри ведешь. Старшую свою. Которая тебе – сестра, судьбой присланная.

Тихо и злобно кусаю себя за руку. Изо всех сил, так, что в глазах на миг темнеет. Чтоб в себя пришел, идиот окаянный.

– Дин, ты чего? – Ри оборачивается лицом в рассвет, откидывает колпак этой своей гигантской ослиной шкуры. Сияющая россыпь утренней росы на плечах. Черная прядь, выбившаяся из косы и прилипшая к щеке. И яркие, синие, тревожные глаза. – Всё хорошо?

– Лучше не бывает, – бурчу себе под нос. – Пришли мы. Теперь – топай за мной, я в тоннель – первый, – и ныряю в едва приметную нору в насыпи.

3.

Твоя теперешняя явь – кривое отражение давешнего сна, жестокая и хлесткая его карикатура.

Город – да не тот. Не твой. Насколько не твой, что все твои листья сворачиваются, все ветви корежит – от одной лишь мысли, что к этому нужно будет – прикоснуться, это нужно будет – работать.

Железобетон.

Стальной купол неба. Ржавые, но еще крепкие, оси всей этой жуткой конструкции, названной Низинами. Запах плесени, тления и грязной свалявшейся шерсти какого-то большого зверя. В подземелье, по которому продвигаетесь вы с Дином, это чувствуется особенно остро – так, что – вприору развернуться и бежать – прочь, прочь от этого проклятого места.

Но – этого города тебе не миновать...

....

Тоннель – это, конечно, громко сказано. Заброшенная сливная шахта. Бывшее русло подземной речушки, что прорезает полгорода и уходит глубже, упершись в фундамент ратуши. Лоцманы из гильдии этот проход не любят и используют редко – слишком уж ненадежны подгнившие бревенчатые крепи, слишком подозрительны круглые отверстия боковых ходов, напоминающие норы каких-то диковинных зверей. А я только здесь и вожу тех, кто меня нанимает. Проскакиваем под городскими стенами, под всеми постами и кордонами на въездах – прямиком к древним подземельям сразу за крепостной стеной. Никогда меня этот путь не подводил.

И теперь все как обычно. Пружинят под ногами доски ста-

рого настила, под ними журчит вода. Мой близорукий старенький фонарик едва освещает дорогу – но обзавестись более мощным я все-таки не рискую: мало ли кого издали зацепишь этим лучом, мало ли перед кем себя обнаружишь... Слухи о проходах под городом среди лоцманов ходили разные, и рассказы о тварях, населяющих подземелья, встречались среди них часто. Дескать, если сведет тебя с ними дорожка – не уйдешь живым; а уж круглые отнорки – это верный знак, что тварей этих там тьма-тьмушая: наткнешься на такой – беги. Да вот только не верил я этому ни на грош. Байки это все. Чтобы цену себе набить и таинственности напустить. Людей нужно бояться, вот кого. Ни один подземный монстр тебя на выходе не скрутит, в кутузку не определит и срок не даст – в тюрьме ли или вообще в Амфитеатре...

А для того, чтобы ничего этого не случилось, я на лоцманские свои вылазки беру крохотный мешочек с синегорскими цветами.

Знали бы о нем те, кого я под городом протаскиваю – к новой, светлой и богатой жизни – они бы меня так в этом подземелье и оставили. Неживого...

А однажды содержимое этого мешочка перекочевало в лапы постовых – внимательные, черти, оказались, учуяли, что от меня подвальной сыростью пахнет, едва не загребли. И загребли бы – если бы я им не цветочки эти, а деньги предложил. А так – прокатило, да еще как. Потому что ничто так не ценится в Низинах, как то, что от этих же самых Низин

и защищает.

Говорят, на синегорские цветочки даже стражи Амфитеатра клюют. Бывали такие случаи: человек уже с белым светом попрощался – там, в темницах Лабораторий. А родня подсуетится – и выпустят его. Если, конечно, он – не из «солнечников», как вот Ри... этих – ни за какие коврижки из Амфитеатра было не вызволить.

Я за два года жизни в Низинах так, признаться, и не понял, чем «солнечники» – те, кого здесь называют обидно: «нелюдями» – от других жителей отличаются. Люди как люди – еще получше некоторых будут. Ну, Тень эти ребята не переносят. Да еще – белесые шрамы у них на горле, в виде солнечного диска с лучами через всю шею. «Солнышки». У Ри они появлялись только в Низинах... словно старый след от ожога вспухал.

... «Солнечников» этот мой заветный переход тоже знал. Только не в город я их по нему проводил, а – из него. Помогал укрыться в заброшенных деревнях близ нашей Гречи-хи. Однако толку от этого было – чуть... У Петровича, кривоносого уроды, словно нюх на них был. Я боялся за Ри... за-прещал ей даже: приезжать, цветы эти привозить... да только разве можно моей Старшей в чем-то воспрепятствовать, если ей в голову втемяшилось, что так будет лучше для всех?

Ну и, правду сказать, время для своих приездов она всегда угадывала правильное: когда Петровича с его бандой подручных уносило либо в город, либо в какую-нибудь дальнюю

весь...

– Дин..., – встревоженный шепот Ри врывается в мои мысли так неожиданно, что я едва не выпускаю из руки фонарь. – Дин, тут мальчик был. Только что. Ты разве не видел? Он вперед тебя проскочил...

– Что? – резко разворачиваюсь к ней, освещаю, насколько это возможно, пространство позади и впереди нас. – Нет, Ри, видишь же – нету никого. Тебе показалось.

И, помедлив, все-таки спрашиваю, вглядываясь в ее испуганные глаза:

– Ну, что хоть за мальчик-то?

– Да обычный. Подросток. Лохматый такой, нескладный. Улыбнулся мне и дальше прошел.

– Ри, – беру ее холодную ладонь в свои руки, легонько встряхиваю. – Ну чего хоть ты? Какие мальчишки, да еще – здесь? Обычный фантом. Померещилось. Бывает. Дальше надо идти. Не бойся, хватайся за мою куртку, шагай след в след.

– Да я и не боюсь вовсе, – Ри рассеянно смотрит перед собой. – Мне только показалось, он меня спросить о чем-то хотел. Или сказать что-то...

Идем дальше – все так же молча, как шли до этого. И – нет-нет, да и свернут мои мысли к этому ее встречному. Призрак он там или кто. И даже не к нему, будь он трижды неладен. А к самой Ри. Она ведь – чего уж скрывать – может всякое такое видеть. Непонятное. Невидимое обычному глазу.

И если бы только видеть!

Меня всегда это в ней пугало.

И – верил я этому, не мог не верить, с тех самых пор, как она меня от погони укрыла – тогда-то наша с ней дружба и началась... Потому что все это – ее случайные слова, ее попытки оберечь тебя от надвигающегося несчастья, её странная чуйка на «добрые» и «злые» места, её непонятные поступки, – время от времени оборачивается такими внезапными подтверждениями, что сердце в пятки уходит.

А сколько раз они отводили от меня беду!

Это вам не лоцманские байки. Ни на что не годные, кроме как нервишки завсегдатаям корчмы пощекотать.

В одном только Ри ошиблась. Как она была против того, чтобы я в Низины ехал! Отговаривала, умоляла – да что там, чуть ли не орала на меня – что пути нет, что я добровольно в ловушку отправляюсь, что я в этом городе голову сложу... Ну, не сложил же до сих пор. Счастье своё здесь нашел. И дела у меня – лучше не бывает. Если отбросить некоторые нюансы...

Мы здорово поругались тогда. До почти-разрыва, так я думал. Я уехал – и первое время в Низинах жил только одной мыслью: к черту эмоции, я все делаю правильно, я – торю свой путь и сам за него отвечаю... всю жизнь на помочах у своего Старшего не проходишь.

Мы созванивались иногда – но разве по телефону поговоришь, как надо? А через полгода Ри приехала сама. И впер-

вые привезла мне цветы с Синих гор...

...Синегорье. Захолустный городишко у моря, на самом конце дальней железнодорожной ветки. Раздолбанные дороги, обшарпанные домишки местных забулдыг, сплошное безрыбье – и суровые толстозадые тётки, на которых только и держится этот отблёвок реальности. Ничего примечательного – я сам когда-то сбежал из такого же. Вырвался. Из смертельной ловушки – на свободу. На большую дорогу, где и подобрала меня Ри, тогда, в мои шестнадцать.

Но для нее самой Синегорье было каким-то секретным кодом к стране с такими сказками, о которых даже помыслить было невозможно. Особенно если сопоставить их с синегорской действительностью. Ри говорила об этом мерзопакостном затараканье с такой нежностью, что ты начинал сомневаться, тот ли город имеется в виду. А изредка – чего уж греха таить – все ли в порядке с твоей Старшей. Потому что какую в Синегорье можно было высмотреть красоту, до сих пор оставалось для меня непостижимым.

Там даже гор не было. Никаких. И никогда.

«Да все там есть! Ты просто не знаешь! – сердито сдвигала брови Ри – в ответ на такие мои заявления. – Проход от синегорского урочища есть, на ту сторону, к самому перевалу. Ворота. Я бы тебя к Синим горам взяла, чтоб ты сам убедился. Но тебе через тот переход не пройти. Да я и сама никогда не бываю уверена, пропустит он меня, не пропустит. И выпустит ли обратно»

Конечно, все это было очень похоже – нет, не на бред, что уж. На сказки. Детские сказочки на ночь о хорошем ненашем мире.

И я бы так все это и объяснял себе: воображение разыгралось у нашей Ри, – с кем не бывает, а с ней – так на каждом шагу...

Если бы не цветы.

Они - были.

И они были – реальнее некуда. И действовали так же.

Впервые я о них услышал – нет, не от неё.

На регистрационном пункте в Низинах. Встречались такие конторы пару-тройку лет назад. Это сейчас все документы на прибывающих в город через главуправление идут, а раньше попроще было. Как сейчас вижу - низенький подвальчик прямо в городской стене: бетонные стены, заплеванный пол, на разохшейся столешнице – Свод Законов потрепанный. За столом – какой-то хмырь в очочках, соплей перешибешь, – выписывает мне пропуск в город, а сам подмигивает и на Свод косится: клади, мол, меж страниц, что принес... сам знаешь, что будет, если в твоём конверте денег меньше окажется, чем договорено было. Где тебя с твоими поручителями искать, теперь знаем... А в спину тот самый поручитель, Миха Кубарь, толкает: давай быстрее, пока никто посторонний не заглянул. И неловко, и руки трясутся – и тошно перед этим хмырем унижаться. А он еще и роняет вдогонку:

« Думаешь, ты тут ненадолго, срок договора выйдет, печать распадется – и свалишь со всем заработанным на все четыре стороны? Все вы так думаете... А наш город, он чужих не любит. Он тебя захомутает, а потом быстренько в хавчик превратит и года за три переварит. Если, конечно, у тебя синегорских цветочков не водится,» – и заржал, гнусно так, словно в лицо плюнул.

Ну, я у Михи спросил потом, что это за цветочки такие. Да так, отвечает, присловье это у нас. Вроде как о несбыточном, небывалом. Но такие цветы на самом деле – есть. Сам Миха видел их – единожды за всю жизнь.

«Всем хороши наши Низины, край богатый, тучный. Все сюда рвутся – за живой деньгой. Вот как ты. Да только тоска здесь наваливается такая, что жить невмочь. Здесь мало кто, Дин, до глубокой старости-то доживает. А уж из чужаков – совсем никого не остается. Слабее они, что ли, чем мы, местные. Им и правда пары лет хватает, чтобы эту тоску подхватить, а уж там – дело техники, как говорится. Сначала злой становишься, огрызаешься на всех, как собака, в драки лезешь. Потом силы из тебя уходят – резко, в одночасье. Так, что тебе и с постели не встать. А после – улитки приходят. Ты их видишь, а другие – нет. Приходят, взбираются тебе на спину – и ты чуешь, как они из тебя душу пьют, а сделать ничего не можешь. И никакого от них спасу нет – даже эти хваленые прививки из Лабораторий не помогают. Так и угасаешь. Ну или – одним махом обрубаешь все к чертям. У

меня батя, здоровенный мужик, давненько этак перемогался – да от тоски этой в петлю и полез. Хорошо, смотрели за ним уже к тому времени, вытащить успели и откачать. А потом – знахаря позвали. Не докторов из больницы, а не-людя, деда с какого-то дальнего хутора под Залужьем. Дедок чайничек синегорских цветов отцу заварил. И – ожил тот, в себя пришел – как и не бывало у него черных мыслей. С зимы до осени одного этого чайничка ему хватило, но потом он все равно себя порешил – утопился по весне, как только лед сошел. А с дедом-знахарем за цветочки мы еще два года расплачивались. Дорого они стоят – и встречаются редко... Сейчас и вовсе охотники их добывать перевелись. Так что – считай, сказки все это. И синегорские цветочки, и то, что можно как-то ярмо Низин с себя сбросить, если хоть раз в него влез»

«А уехать отсюда? – испугался я. – Уехать из этого места? Я вот – так и сделаю. Подзаработаю – и тягу! Чего проще...»

«Эх, парень, – засмеялся Миха и хлопнул меня по плечу. – Да ты не понял, похоже, ничего. Нету обратного пути. Ты наш теперь. Печать – она не только на бумажке. Теперь Низины и на тебя ошейник надели. И захочешь – не выскочишь! Живи, обвыкайся!»

И, ехидно прищурившись, сказал мне напоследок – точно совет давал:

«Говорят, один только и есть верный способ от себя да от своих домашних тех самых улиток отогнать: Низины подкормить. Раз в полгода еще одного такого же дурачка в город

проводить и под поручительство своей семьи горожанином оформить. Вот как я тебя»

...Я ему не поверил. Как и своей Старшей, когда она о том же самом мне говорила. Тогда – не поверил. А потом... Потом я многожды убеждался, что цветы с Синих гор – спасение. Для меня, для Зоськи моей.

И – несметное богатство. Роскошь – оставаться собой-прежним...

... даже если вырваться за пределы Низинного края – и не получается, и уже – незачем...

«Прежним, да? А как же нелегалы твои? – укорил меня внутренний голос. – Которых ты подземными тропами внутрь городских стен переводишь – и которым липовый вид на жительство загоняешь – за неплохую, между прочим, деньгу?»

«Так ведь в том и дело, что липовый! – отрезал я. – Настоящую власть над ними Низины не получают!»

Правда, поэтому и настоящих денег этим бедолагам не заработать. Но им хватает – у них на родине нищета беспроектная, а детей – как семечек в арбузе. И вернуться обратно – если в облаву не попадут или особо въедливому контролю на зуб не достанутся – они могут в любой момент.

«Не то, что я...» – подумалось нечаянно, и тут же сердце словно в кулак сграбастали и сдавили – ни охнуть, ни вздохнуть.

Не впервые, что уж...

Лучшее средство от этого – мысленно надавать себе оплеух: «Хорош сопли распускать! Ну куда тебе возвращаться? – в Задрипанск твой, что ли, из которого ты едва ноги унес? Да по сравнению с твоим прежним житьем, в Низинах все просто волшебное! Подумаешь, условие – «нельзя уехать»! Везде люди живут, ко всему привыкают! А ты – еще и получше многих устроился. Вот через годик-другой поднакопишь деньжонок, оставишь свою корчму – да и махнешь с Зоськой и малышом из предместья этого зачуханного в сам город. В свой собственный дом. Ни одной хари лоцманской больше не увидишь. А рыжего Петровича, «благодетеля» своего полицейского, спустишь, если припрется, с крыльца. И пахать тебе – так, как сейчас ты пашешь, света белого не видя с этими ночлежниками и переселенцами – не нужно будет. И дети твои – не в слободской школе, в гимназии будут учиться. Не то что ты, крапива подзаборная...»

Подумал так – и легче стало. Веселее.

А все же... все же что-то саднило в душе. «Улитка рогами в твою сторону повела», сказал бы Миха Кубарь, суеверный и ничего не понимающий дурак.

Улитка? Как бы не так.

Это звала меня – Дорога.

Переменчивая. Восхитительно неизвестная – и опасная.

Та, которую я любил всем сердцем – а я мало что в своей жизни любил.

Та, что отныне была для меня – закрыта. И никакие цве-

ты с Синих гор не могли этому помочь. И никакие улитки – заглушить ее зов.

Он так и звучал во мне – пока мы с моей Старшей пробирались завалами подземелья, пока топали по неприметной тропе вдоль основной трассы – и никто (права оказалась Ри!) не встретился на нашем пути... Пока поднимались на последний этаж одного из привокзальных «муравейников» – в тесную комнатку. Там перекантовывались обычно мои подопечные – до того, как я состряпаю им документы – чтобы потом исчезнуть из моей жизни и начать сплетать здесь – свою. Квартиренку никто не досматривал и с проверками не приходил – за это было заплачено нужному человеку в городской управе. А значит, Ри будет здесь в безопасности.

Но тревога била в сердце приливной волной, и ничего с этим нельзя было поделать. И я – никак не решался уйти, ходил взад-вперед по комнате, перекладывал какие-то вещи с места на место, что-то объяснял... Не мог оставить здесь Ри – за закрытыми дверями.

– Ну все, братишка, марш, марш домой к своим! Обещал вернуться как можно раньше – выполняй, не заставляй жену беспокоиться! – Ри подвела меня к порогу. Обняла на прощанье: – Дин, спасибо тебе! Ты не представляешь, какое спасибо!

Улыбнулась глазами – словно откуда-то издали, из тьмы ноябрьских заболоченных лесов:

– Всё будет хорошо. Вот увидишь. Не бойся.

... А через неделю, когда я пришел проведать Ри, её здесь уже не было. Ключ от комнаты – под ковриком, на столе – сухая записка:

«Не волнуйся, со мной все хорошо. Ухожу туда, откуда удобнее наблюдать. Если через месяц не вынырну, сам меня не ищи. К тебе придут – те, кто меня здесь знает» .

Глава 2. Мириам.

Встреча с городом

1.

Дверь за Дином захлопнулась, защелкали по лестнице шаги. А у тебя свалился с души камень. И тут же прихлынула усталость: так всегда бывает, когда корректируешь дорогу, очищаешь её от ненужных случайностей, вроде стражников или остроглазых прохожих.

Вообще говоря, этого делать не стоило.

Этот город радовался чужеродной ему волибе, как ребенок – конфете. И выжирал проводника – подчистую. До обморочной слабости.

И ни один из известных способов быстро восполнить силы – не работал: ты не Сияние проводишь, ты выплетаешь магию из самой себя, да и то с оглядкой – чтоб не зацепить ею Тень, не навести на след...

Но – какие у вас с Дином были еще варианты?

Встречи в это утро были совершенно ни к чему. С тех пор, как этот город объявил охоту на таких, как ты, – все, кто им помогал, тоже считались вне закона. А значит, разделяли их участь.

Ты не переставала клясть себя за то, что пришлось впутать в это дело Младшего. За то, что без его помощи – и без этого подземного путешествия – было не обойтись: тебя попросту сцапали бы на первой же внутригородской заставе.

Однако теперь уже все позади, теперь Дин на пути домой в предместье, а ты – в утробе Низин, пораженных Тенью, как метастазами. И первое, что тебе предстоит сделать, – это как можно скорее найти другое убежище.

Ради Дина.

И ради того, что тебе предстоит...

Но прежде – прийти в себя. Хоть немного.

Остановить это бесконечное головокружение...

Обхватить себя за плечи – и съехать по дверному косяку прямо на пол. Лечь ничком у самого входа.

Слушать – этот дом, пространство вне его – насколько тебя хватит.

Вбирая все звуки, какие только можешь уловить.

Это всегда тебе помогало...

Слегка потрескивают стены, бьется о стекло поздняя августовская муха. Под половицами ходят мыши, на чердаке курлычут голуби. Лестницы и коридоры пронизывает хлюпающий шорох: кто-то опорожняет мусорные контейнеры на общих кухнях, а потом волочит громадный помойный мешок по всем этажам, оставляя жирный след. На

четвертом надрывно блюют, ниже – терзают радио. В подвале лениво переругиваются дворники, разбирая лопаты и метлы. Но – ни звука прорастающих и лопающихся плесенных спор. Ни намека на Тень. Всё чисто. А значит, есть надежда, что тебе удастся остаться незамеченной.

Ты на миг становишься всем этим бесприютным безалаберным домом – шагаешь восточным его углом в заветный Лес прорастающих мелодий...

И становится легче, а дурнота уходит.

....

Комната была темной даже днём.

Ее единственное окошко выходило на глухую стену из красного кирпича: с улицы не разглядеть, живет здесь кто-нибудь или нет. А совсем рядом с полуприкрытым ставнем громоздились перила обрубленной снизу пожарной лестницы: если что – перескочить с подоконника на ее ступени, ухватиться за штыри, в три прыжка перебраться на крышу... умница Младший, все предусмотрел.

Ты тяжело опираешься на подоконник – силы вернулись не до конца, и голова все-таки кружится. Дышишь во всю грудь кислым воздухом Низин.

А перед твоими глазами встают совсем другие окна. Огромные, в два твоих роста. Распахнутые в любую погоду: в твоём Синегорье никогда не бывало больших холодов, а сквозняки дома любили вы оба, ты и Лис.

Днём в эти окна вливалась колокольная волна сразу трех

соборов, а ночью – серебристая прохлада часового боя с городской ратуши, и сны ваши были спокойны, а рассветы – чисты и прозрачны.

Высокие потолки с отколотой лепниной – и мотыльковые занавески, взлетающие над мольбертом. Запах пионов, постели, травяного чая – и прогретой на солнце древесины подоконников. Тёплая шаль – поверх брошенной на стул промасленной рабочей куртки. Непокойное пламя свечи – и пляска света и тени на потолке. Гул прибоя – снаружи, гул прибоя – внутри, в самом сердце...

Нет. Нельзя вспоминать – о том, что не вернется. Что так и осталось в городе отчаянного, вырванного у судьбы счастья.

Теперь твоё – пусть и временно, на несколько часов – эта тщательно обустроенная нора. Тёмные, обшитые деревом стены. Крепкая добротная мебель, шкафы, набитые самым необходимым. Кладовка с провизией – чтоб хватило на несколько недель.

Бункер. Вот что это напоминало. И – видит Бог, до чего же не хотелось из него выходить вовне. В этот город.

... Внизу слышались голоса и рев мотора: привратник пропускал машину с топливом для котельной. Ри отпрянула от окна, затаилась. Выждав немного, чуть ли не по стенке прокралась в кухню: перехватить что-нибудь – чтобы окончательно расправиться с головокружением – а потом идти.

Чиркнула спичкой, разожгла конфорку, поставила на огонь чайник. Осторожно ступая босыми ногами – чтоб ни

одна половица не скрипнула! – просочилась в кладовую. Кофе, галеты в жестяной коробке, чуть подернутый плесенью сыр – роскошный обед, впору королям! Ри улыбнулась своему отражению в буфетной створке, подхватила добычу.

И вдруг увидела лист бумаги, небрежно заткнутый за стеклянную дверцу.

Пергамент для выпечки, тетрадный обрывок, на каких обычно наскоро записывают счета и расходы? – если бы! Квадрат белого картона для чертежей, с едва видной разметкой в верхнем углу. И рядом, в ложбинке для столовых приборов – тяжелый цанговый карандаш.

У Ри перехватило дыхание.

Не от диссонанса – хотя найденное не вписывалось в звучание этого жилья, пульсировало неверной нотой, дразнило осколком иного пространства.

От внезапно расступившегося тумана...

... Эхо – из детства.

Из того времени, когда не умеешь еще читать, но рисовать – уже можешь. Голубоватый наст чертежного листа. Тяжесть вложенного в твою руку цангового цилиндрика.

« Не выходит ничего! Это все карандаш – смотри, какой он толстый, совсем неудобный! »

Тёплые пальцы в заусенцах и зарубках от резачков – ловкие, длинные, темные от графита – окольцевавшие твою ручонку. Направляющие, выпрямляющие неумелый рисунок.

Голос: «Ну вот видишь, все же получилось! И чего было так реветь, дуручка?»

Восторг: это я так могу? это – моё? Смех в ответ: ну а чье же, глупая? Мелодия, разгорающаяся, как пламя: нежность скрипки, льдистая чистота свирели...

Ри закрыла глаза. Рванулась в туман, в самую глубь – слышать, понять, удержать... Куда там! Пелена схлопнулась, поглощая последние такты музыки.

Все как всегда.

Помнят – только руки.

Ну что же...

Ри прихватила карандаш и бумагу, подошла к столику возле окна, невидящими глазами уставилась в кирпичную стену напротив – и через миг стала набрасывать на бумаге силуэт. Бездумно, куда карандаш поведет – это делать нужно было именно так.

Её давняя игра: обмануть настоящее, протянуть графитную леску – в глубину, наживить желанием вытащить хоть что-то из белесого болотного омута, подменившего память того времени, когда Ри еще не знала, что такое Низины.

Получалось редко.

Совсем.

Чаще всего воспоминание срывалось, серебристо сверкнув в темноте, так и не воплотившись в образ.

Но в этот раз из плотного ватманного тумана навстречу Ри вышагнула угловатая фигурка. Мальчик из подземелья под

городом, где вел ее Дин.

Ри, не смея остановиться, рисовала лихорадочно быстро. Неуклюжий, мосластый, словно щенок-подросток. Волосы чертополохом. Решительный подбородок, вздернутый веснушчатый нос. Любопытный взгляд крапчатых глаз. Ри даже засмеялась от радости: мальчик получался совсем похожим – на того, невесть откуда взявшегося в заброшенной сливной шахте и невесть куда исчезнувшего, как только Дин обернулся.

Последний штрих – затем приколоть рисунок к стене, рядом с окном, где светлее. Мрачная нора тут же превратилась в обычную комнату, и Ри стало тепло.

«Теперь здесь есть, кому меня встретить, если я все же я вернусь сюда, – мимолетно подумала Ри, готовясь к выходу – вовне, в город. – А мне – есть к кому возвращаться»

2.

Едва слышно всхлипнул, защелкиваясь, замок. Коридор отозвался гулкой пустотой. Никого не было и на лестнице: жители появлялись здесь затемно, чтобы переночевать – и на рассвете вновь расползлись по рабочим местам. А значит, прийти обратно необходимо до того, как город опояшут заводские гудки, распускающие всех по домам.

Или – не прийти... Ри смутилась, вдруг осознав, насколько она надеется – на «своих». На то, что её выслушают, ей поверят – и укроют до поры в безопасном месте, неподвластном Тени. К примеру, в том самом доме возле старого кино-

театра...

...Они с Лисом обнаружили его случайно, но – несказанно вовремя.

Вовремя для всех четверых, как потом выяснилось.

«Ого! Ничего себе око урагана! Вокруг – Тень полосами, а над ним – не просто ее нет, а – чистое небо и свежий воздух! – восхитился тогда Лис, предприимчивый и безбашенный сообщник четырнадцатилетней Ри. – Полезли внутрь? Все равно здесь никто не живет, вон он какой старый! Здесь тебя никто даже не подумает искать!»

Чем обернулось это их знаменательное исследование дома-реликта, помнит вся их четверка. Потому что именно тогда она и возникла. А дом стал им всем надежным прибежищем и укрытием – и в эпоху прежнего безвременья, и даже потом. Через много лет, когда Лис и Ри совершили последнюю из всех своих попыток преодолеть проклятие Низин.

Хозяин этого дома... Ри невольно улыбнулась, думая о предстоящей встрече... Он был странным – под стать своему обиталищу. Он звучал сплошными диссонансами – но они складывались в такую мозаику, в такую потрясающую звуковую сказку, что Ри готова была вслушиваться в неё часами. Ему это не мешало. Больше всего он любил разговаривать с Лисом – тот вообще был ему ближе всех из них. Ученик, братишка, Младший. Понятный и близкий.

Может, поэтому у хозяина этого дома – неуживчивого, вспыльчивого, как клубок чертей – всегда хватало терпения

мирить их, ее и Лиса. Подбирать нужные слова, успокаивать, убаюкивать надеждой на лучшее.

Может, поэтому ты и идешь сейчас к нему, Ри? Потому что – кто еще сумеет так поверить в это «лучшее»? В то, что проклятие Низин – преодолимо, и это – в ваших руках?

... Ри потянула на себя дверь холла. Прислушалась. Проскользнула в щель. Проскочила мимо столика привратника, на ходу защищая воротник плаща булавкой. В вестибюле никого не было, но Ри на миг показалось, что ее провожает чей-то внимательный взгляд

Отсюда до того самого дома – рукой подать. Правда, это если напрямик. А идти придется – зигзагами, с одной стороны дороги на другую, петляя дворами и переулками вместо того, чтобы добираться по прямой. Такой уж это город.

... Этот город всегда был тяжелым. Идти по нему – прокладывать путь в толще железобетонного хвороста под стальным небом, так ей всегда казалось. Город подкатывал тошнотой к горлу, обеззвучивал смех, крал малейшие крупинки радости. Даже сам его воздух ложился на плечи такой безнадегой, что хотелось перестать дышать.

Ри возненавидела Низины сразу и всем сердцем – с тех самых пор, как ее, двенадцатилетнюю, впервые доставили сюда братья Ордена Ткачей – чтобы кормить, защищать и обучать. Отделаться от этого города – было ее жизненной необходимостью первого года в приюте. Ри всю душу вкладывала в по-

беги и провокации: не упустят, так выгонят. Но братья-Ткачи и сестры-Пряхи (в ведении которых находился приют) были непрошибаемо-добры и деятельны. Её возвращали, прощали, кормили, переодевали в чистое – и круг замыкался, а ее ненависть взлетала до небес, чтобы, рассыпавшись искрами, дотлевать потом жгучим отчаянием.

Тяжелее всего было признаваться себе, что – бежать, по сути, не к кому. Ри не помнила себя до приюта. Даже имя было – не её: безымянных найденышей называли в честь какого-нибудь орденового праведника. Её вот – в честь бессребреницы Мириам. Ни одно из иных предлагаемых ей имен не отзывалось в сердце хоть какой-то искрой теплоты и узнавания.

Она пыталась вспомнить – сбегая. Ей казалось, что воздух полупустых пригородных поездов, пыль дорог, прибрежные тростники, мокрая трава или глина обрывов подскажут ей, кто она. Её тянуло – вовне, разорвать собой невидимое кольцо вокруг Низин, уйти – в иное. Но к моменту, когда в ее жизни появились те трое, она почти перегорела... этот город почти дотянулся до ее горла своими узловатыми троллиными пальцами...

... Ри остановилась посреди пустынной аллеи. Тряхнула головой, отгоняя воспоминания: сейчас все по-другому! Сейчас есть силы, есть цель – и есть надежда, что все получится. Отыскать своих. Всё будет хорошо в этот раз. Навер-

ное. Если не проколоться на ерунде, конечно. Но уж с этим-то она справится, все причуды Низин она знает наизусть.

Ри улыбнулась, мысленно погрозила кулаком фаянсово-голубому небосводу и решительно зашагала вперед.

3.

Дома – не было. Ни нахмуренных окон, ни крыльца с замахивавшейся заломленной крышей. Ни бархатно-темных бревенчатых стен, вросших в огромный дуб, словно гриб-чага. Ни самого этого дуба – аксакала, выдавшего, наверное, штук десять Безвремений...

Не было так, словно и быть-то их здесь не могло. Словно их стерли из самой памяти города гигантским ластиком.

На месте дома и дерева сверкала зеркальными стенами многоэтажка. Чуть дальше высилась еще одна. Кинотеатр – был, но совсем другой: вместо грязно-розовых колонн, между которыми испокон веку ютились цветочницы и спекулянты, – гигантские кубы из стекла и стали.

А еще – и это было, пожалуй, самое жуткое! – их «око урагана», их родник свежего воздуха превратился в такую мощную теневую воронку, что Ри, не приближаясь к этому кварталу, едва стояла на ногах.

Тень тянула невидимые глазу нити – далеко за пределы своих границ. Её чувствовали не только «солнечники». Но даже те, кому она не была страшна. Кому не грозило быть вычисленными – и отправленными в Амфитеатр, в самую

пучину этой Тени, только за то, что они не переносили ее.

Люди, проходящие мимо кинотеатра, не сговариваясь, огибали его – и дома рядом – по дуге. Те же, кто выбирался из дворов, останавливались на самой границе теневого пятна, будто не могли отдышаться. Чтобы затем, посветлев лицом, словно прибавив в росте, ускорить шаг, спеша прочь от опасного места.

Миклош, хозяин *того* дома, – с его чувствительностью, с его наследственной ненавистью к Тени – просто не мог оказаться здесь, в одном из этих аквариумов. Еще нелепее было предполагать, что он согласился на снос своего чагового гнезда. Добровольно.

Эта мысль камнем ударила в сердце – словно замерзшая на лету птица в проледененное стекло. Ри споткнулась. Ухватила за корявый ствол искалеченной городскими пилющиками липы – как за огромную руку.

...А на что ты, собственно, надеялась? На то, что за эти несколько лет твоего полного отсутствия в жизни друзей – ни весточки, ни строчки, ни звонка! – все останется прежним? Ты – ничего не знаешь о них. Преступно ничего. Ни даже – живы ли они.

Не слишком ли высокая цена за твоё бегство от судьбы, завязавшей чересчур много узлов на этом – проклятом для всех вас – городе?

Ри хватанула ртом воздух.

Подавить слезы, продышать страх, вернуть на место по-

плывшую из-под ног землю. Незаметно смахнуть и смять проросшие изнутри, сквозь твои ладони, крохотные зеленые листья. Отловить себя на пути к превращению – которое неизбежно происходило, когда зашкаливала тревога, и ты была не в силах справиться с собой. Вдохнуть, загоняя глубоко внутрь все, что чувствуешь – и что готово прорваться наружу. И стать привычно-отстраненной, холодновато-спокойной... Просто потому, что обернуться в этом городе – значит для тебя умереть.

– Что с тобой, милая? – каркнул над ней чей-то прокуренный голос. – Плохо тебе, что ль?

Ри обернулась. Перед ней стоял высокий патлатый старик в веревочном жилете и промасленных рабочих портках, на которых не было живого места от заплат. От него несло перегаром, мочой, паленой шерстью и – опасностью, хотя улыбался он участливо и сердобольно.

– Сердчишко прихватило? Может, врачей позвать? – продолжал дед, все пристальнее всматриваясь в нее из-под косматых бровей. – А может, заодно и полицию? – и глумливо подмигнул. – Теми, кого Тенью зацепило, здесь не медицина занимается, а другое ведомство... и оно очень недурно заплатит, если я ему тебя, «солнечницу», да еще и чужачку, сдам!

Ри машинально схватилась за наглухо застегнутый воротник. Старик проследил за ее жестом, расхохотался – трескуче, торжествующе.

Он – все о ней понял.

Но как? Она ничем, абсолютно ничем не выдала себя.

Даже движениями она от обычных горожан не отличается...

Разве что этот бродяга умеет читать мысли.

– Она не к тебе пришла, Старый, – раздался совсем рядом глуховатый голос. – Отпусти ее и не пугай.

Из-за ствола липы вышел подросток.

Тот самый – Ри была готова поклясться. Всклопоченный, веснушчатый и решительный. Он легонько ударил по плечу старика – словно осалил. Тот ухмыльнулся, но – удивительное дело, отступил в тень дерева. Затем мальчик ухватил Ри за руку и сердито буркнул:

– Пойдем. Не бойся, он тебя не выдаст. Ему это невыгодно. На самом деле он предупредить тебя вышел – чтоб ты около теневых клякс не болталась. Мало ли чего...

– Ничего себе – предупредить! – отозвалась Ри, изо всех сил давя в себе возмущение. – Я уж думала, сейчас за руку схватит и начнет вопить на весь квартал, что преступницу поймал!

Мальчишка кивнул:

– Он может. Ему лучше не доверять – даже если он тебе добро делает.

– А он кто? – спросила Ри, оглянувшись. Старика за деревом уже не было.

– Сама потом поймешь. На самом деле, ты его знаешь...

«Они оба, и мальчик и старик – не люди. И не «солнечники»-оборотни. Они – силы Низин... это чувствуется, слышится... Только вот – какие? Кто? И отчего раньше – *в прошлые эпохи моей жизни здесь* – ни тот, ни другой мне не встречались?» – подумала Мириам мельком.

Парнишка, не выпуская ее руку из своей ладони, потянул Ри в мрачноватый проулок меж двух длинных унылых казарм, к обширному пустырю на месте каких-то недавних развалин. Теневая клякса над домами осталась далеко в стороне.

– Куда ты меня ведешь?

– Туда, где тебя не будут искать. В то общежитие, куда тебя утром определили на постой, тебе путь заказан: ты приметная, тебя выследили и ждут. Они жадные. И им давно уже не выпадало случая поохотиться.

Ри мысленно охнула, спросила, запнувшись:

– Они... ну, те, о ком ты говоришь, – ни на кого больше не вышли?

– А, ты про своего Младшего? – отозвался мальчик буднично – словно Ри ежедневно обсуждала с ним все свои планы. – Не, ничего ему не грозит, не переживай. Но ему тоже лучше им на глаза не попадаться. Я потом записку оставлю Младшему твоему. Чтобы не вздумал по городу бегать – тебя искать. Ему и без того дел хватит.

Они прошли через пустырь – к зеленым речным заводам. Над рекой громоздилась ржавая клетка полуразрушенного

железнодорожного моста.

– Пойдем, - мальчик потянул Ри к тропинке вдоль рельсов. – Нам на ту сторону. Потом, если все сложится так, как я рассчитываю, – обратно через реку... Я тебя проведу кое-куда. Там тебе будет неопасно. И народ там... такой, подходящий. Увидишь, Мириам.

– Откуда ты все-все знаешь? Даже имя мое..., – растерялась Ри. – Я тебя – первый раз в жизни вижу!

– На самом деле – второй, – подросток довольно ухмыльнулся – и на секунду вдруг стал неуловимо похож на того бомжеватого старикана. – Я тоже не случайно на тебя вышел.

– Одни тайны... – вздохнула Мириам. – Ну хорошо, меня ты знаешь, а тебя самого – как зовут?

Мальчишка запнулся, обескуражено глянул на неё – словно она невесть о чем спросила. Помолчал, затем объявил – будто решение принял:

– А знаешь, что... Зови меня – Кит. Так будет проще – и правильнее.

... Где-то в земляной глубине, под слоями «халвы» и низинного грунта шевельнулся, оживая, корешок-паутинка – первая струна Леса, первая нить на кроснах Низин...

... первый стежок твоей работы с этим пространством.

Глава 3. Сон. Лес прорастающих мелодий

«Тут даже бессонницы пахнут западней.

Потому что совсем рядом Тень, ты – в ее горode, и ты чувствуешь ее. А она – всматривается в тебя.

А когда под утро все-таки удастся сомкнуть глаза, тебя водоворотом вытягивает в твой давний кошмар.

Каменное небо. Черная мертвая вода. В которой ты стоишь по самую шею, из последних сил пытаешься удержаться на сведенных судорогой ногах, заледеневшая и почти сдавленная потоку...

Безнадежность. Не та, временная, что приходит с усталостью – и отскакивает, стоит лишь подумать о хорошем да выпить крепкого чаю.

А – последняя.

Безнадежность оконченного пути.

Каменного холодного туника, когда дальше – только темные своды Подземья либо пунктирный разбег зеленых огоньков...

Сон застарелый, привычный... Настолько жуткий, что ты выскакиваешь из него, преисполнившись самого лютото,

самого звериного счастья: это не вразравду, это не со мной и не про меня...

И – *чуешь на себе пристальный взгляд ненавистного тебе города*»

1.

...Всю ночь выл ветер. Швырял в стекло кроны тонких деревьев под моими окнами. Выбивал ветвями рассыпчатую дробь, сметал наросшие за ночь новые чешуйки серой плесени – ошметки Теневого пятна над моим домом.

Осень... совсем осень уже, думалось мне. Осень и забубенная тоска.

И бессонница. От неё не помогал даже коньяк, который мне – бывшему брату Кругопряду – уже давно можно было пить хоть ведрами, никакой Канон не воспретит.

Пара попыток задремать.

Клочок рваного, путаного сна: застарелым кошмаром – вой, тьма и птичьи крики... и белое пятно, совсем рядом с тобой, жутко-живое... Только теперь из этого сна вышла к тебе Мириам. *Странная* Мириам. Не взбалмошный подросток – эпохи прошлого безвременья. И не растерянная юная женщина, жена Лиса. Нет, эту Ри я едва узнал. Она была пронизана прорастающими из неё ветвями, корнями, какими-то лианами... Повзрослевшая, прошедшая несколько метамор-

фоз роста, сильная. Она смотрела как будто сквозь прозрачную дверь с *той* стороны – и стучала в стекло костяшками пальцев.

Я потянулся к дверной задвижке, встретился с Мириам глазами, вздрогнул и проснулся окончательно. Бормоча: «Ну и приснится же!», обреченно поплелся в кухню. За кофем. Без надежды уснуть – просто чтобы стряхнуть с себя морок.

Телефонный звонок грянул так внезапно, что у меня подкосились ноги, а сердце подпрыгнуло к самому горлу.

Мне не звонили. Никто. Прекратили – с того самого дня, как я покинул родной факультет. Ушел, высказав напоследок, где и в каком виде я хотел бы узреть университетское начальство, с его идеями, и чиновников, с их приказами. И – люди как-то сразу самоустранились из моей жизни. Все без исключения коллеги и пара университетских друзей. Звонили – нечасто и в первый месяц моего добровольного затворничества – лишь студенты. Ребята. Из-за которых я так долго держался, – скручивая себя в бараний рог, давя на корню несогласие и внутренний бунт. Звонили, сочувствовали, расспрашивали. А потом – как отрезало.

Словно кто-то провел с ними разъяснительную беседу.

И вот теперь...

Да еще в шесть утра...

Я сдёрнул трубку с рычага – ожидая чего угодно.

– Здравствуй, – плеснул совсем близко знакомый-знакомый голос, в котором мне всегда чудилась скрытая улыбка.
– Прости, что я так рано. Нам нужно увидеться.

И прерывистым шепотом назвал меня так, как не дано было называть больше никому в целом мире:

– Старший... Пожалуйста... если это возможно.

– Да. Да, конечно, – произношу деревянно – и вдруг срываюсь в словесный галоп: – Это ты? Но как, зачем ты – в городе, сейчас...? Не слушай меня, приходи, я страшно рад – и я тебя жду, у меня сейчас все время – свободное...

– Нет, – улыбка на том конце трубки вспыхнула яркой точкой – и погасла. – Мне к тебе никак нельзя, сам понимаешь. Встретимся где-нибудь снаружи. Если через час – ничего? и прости, пожалуйста, что выгоняю тебя из дому, да еще и в такую рань. Где? А знаешь... совсем недалеко от тебя. Там, где я обычно поджидала тебя и Лиану с лекций. Пасла ее разбойников, пока вы наговоритесь со студентами, – и целая россыпь золотистых искр устремляется ко мне по проводам: Ри смеется.

Ловлю их – и улыбаюсь в ответ: хорошая была зима. Целые океаны снега – и ледяная крепость в парке, из которой эти трое, моя Младшая и лианины четырехлетние близнецы-крепыши – расхристанные, румяные, счастливые – хохоча, обстреливали нас снежками, вызывая на бой...

... От утренней свежести кружилась голова: как давно я

не был на улице! По –настоящему, а не короткими перебежками от стены к стене, когда все вокруг наполняет тебя отвратительной несвободой : город-клетка, а ты – подопытная крыса в ней, пронумерованная и занесенная в лабораторный реестр...

Ночной ветер стих, разметав напоследок облака – и все стало радостным от солнечного света: стены домов, крыши, тени деревьев на асфальте. Даже громадина-башня на площади Шута, вечно скалящаяся перильцами смотровой площадки, словно бы потеряла уверенность и уже не выглядела такой вызывающе-наглой.

А на вывеске «Барбацуцы» (старинной кондитерской из раннего и самого счастливого моего времени – туда мы всякий раз заруливали с отцом по дороге из детского театра) – сидел и разливался трелями зяблик. Голос лета – в городе, где уже много месяцев сгущался беспросветный внутренний ноябрь.

Мне стало легко. Я махнул через дорогу под самым носом у бронированного автомобиля. Тот споткнулся, закашлялся, взревел дизелем, и, вспарывая асфальт, устремился дальше, к вокзалу. Постовой вышел из будки, направился было ко мне, но – узнал (он жил в том же доме, что и я, мы с ним всегда здоровались при встрече). Даже не стал проверять уровень Тени в ампуле-споре на моей руке – просто

сердито засмеялся и погрозил мне пальцем, как расшалившемуся мальчишке.

Я быстрым шагом пересекаю сквер с фонтаном. Совершенно пустой, если не считать девочек-физкультурниц в кольце замшелой фонтанной чаши. На ходу машу им рукой – раньше, когда сквер чуть ли не с рассвета был обсижен студентами и художниками всех мастей, я бы ни за что не решился на такую вольность. Девочка, поймавшая мяч, бронзово улыбается мне в ответ.

Спешу дальше, к трамвайным путям вдоль ряда лавчонок и забегаловок, прилепившихся к башенной стене, – и впервые меня не накрывает тошнотой от всех этих нынешних названий – «Глоток Тени», «Тёлки», «Горелый не-людь»... Мне все равно. Этот город – отдельно, я – отдельно.

Окончательно отрезает меня от него маленький вал возле трамвайного кольца. За ним – Библиотечный парк. Древние плечистые вязы, путаница тропинок и – ни намека на Тень. Парк – одна из самых больших «пятнашек» города, клочков земли, куда Тень по какой-то причине не может проникнуть.

«Это потому что здесь раньше было старинное кладбище, а при нем – храм, – мне слышится голос Мириам, растрепанной девчонки в послушническом платье с чужого плеча. – В такие места плесень не проникает, хоть сколько они простоят»

Здесь – так легко, как бывает только в детстве и ранней юности.

Странно...

Почему я, тысячу раз пробегая мимо по делам, никогда не заходил сюда – посидеть на скамейке, вдохнуть воздух без этой вечной белесоватой пыли, расправить плечи... Почему к середине жизни мы все накрепко забываем, что – такие места есть даже в этом городе, и они – ждут нас, помнят о нас...

... Чуть слышный шорох шагов по траве – за моей скамьей.

Оборачиваюсь.

Я высматривал Мириам на дорожках Библиотечного парка, а она подошла от развалин старинной часовни.

– Слава Богу, ты пришел, – говорит она, слегка запыхавшись и отводя прядь волос с лица.

Смотрю на нее.

Мою бывшую ученицу.

Моё самое первое индивидуальное задание: её прикрепили ко мне повелением Верховного Каона Ордена Ткачей после того случая в приграничном лесу. После самого знаменательного из всех ее побегов.

Смешная она тогда была – нескладный подросток с кудлатым облаком грязно-светлых волос, обгрызенными ногтями, патологической склонностью к побегам из орденского приюта – и самыми честными глазами в мире.

А еще – умением виртуозно отлынивать от учебы и послу-

шаний – и исчезать, как сквозь землю проваливаться, чтобы потом найтись на каком-нибудь полустанке далеко за городом (сколько их перепало на мою долю, эх...).

Попробуй сладь с таким дитятком, если ты и сам ненамного старше.

А в особенности – если оно то и дело плещет в тебя, как кипятком, ненавистью.

Ведь именно ты всегда перехватывал Ри на пути к границе Низин. И был причиной всех ее неудач и возвращений в приют. Когда сбегала воспитанница Прях Мириам, в четверку братьев-защитников, отправляющихся на перехват, почти всегда включали тебя: только тебе и удавалось вычислить – услышать – эту девчонку.

А потом ее сделали твоей Младшей – не подопечной, не подотчетной: старшинство – оно почти как родительство. И оно – на всю жизнь.

Помню, как я тогда был ошеломлен этим приказом.

Где я – с моей любовью к уединению, книгам, тишине и исследовательским раскопкам всех мастей. И где этот переломанный бесприютный подросток, который на момент нашего знакомства умел вытянуть из карманов сестер-Прях и нужные ему ключи от внешних ворот, и мелочишку на дорогу. А также мог послать подальше своих спасителей такими словесами, что у всей нашей четверки «защитников» краснели уши.

«Сон, мой мальчик, – проникновенно сказал мне ректор,

он же брат Сольпуга, дружески приобняв за плечо, когда я пришел к нему с «решительным отказом» от почетной миссии быть Старшим этой соплячки. – Вы же сами понимаете, что лишить эту воспитанницу нашего попечения – это все равно что своими руками мину замедленного действия под город заложить. Отдавать ее Тени – нельзя. Ни единого из подопечных сестринства Прях – нельзя. Приют с этой девочкой, как мы видим, не справляется. Сама Верховная Мать заявила, что умывает руки... и что если кому эту воспитанницу и поручать, так только вам. Каон с ней полностью согласен. Почему – именно вам? Вы молоды, талантливы... Да и, сказать по правде, некому больше. Никто с этой Мириам характеристиками, кроме вас, не совпадает. А вы с ней – однопородники, слухачи...»

Слухачей – тех из проводников, кто работает с мелодиями явлений и вещей, – в Ордене Ткачей и вправду больше не было. К своим двадцати с небольшим я не только умел пользоваться этим вариантом *дара*, но и пособия составлял – по просьбе руководства, на случай появления еще одного такого же прецедента, каким был я. Слухачей в любом поколении рождалось ничтожно мало. Мне повезло, я – наследственный, меня обучали владению *дара* чуть ли не с пеленок – и с пеленок же я был приписан к Ткачам, как когда-то и мой родной отец.

А вот Ри – была кустарем. Дремучим и до отчаяния упертым. И мне приходилось вколачивать теоретическую пре-

мудрость в эту кудлатую голову чуть ли не с боем – ровно до тех пор, пока она сама не распробовала, как это – *проводить*. В ней что-то неуловимо изменилось тогда – как меняется во всех этих неприкаянных приютских малышах, когда они только-только соприкоснутся с *Сиянием*. И с того самого дня мне с ней стало – легко. Как бывает только – прав оказался ректор! – с существом одной с тобой природы.

Эта легкость и сродность прошла сквозь годы и такие испытания, что и вспомнить сейчас страшно. Так отчего же я теперь боюсь вслушаться в мелодию своей Младшей – шагнуть в наше с ней общее поле, где не нужно будет ни объяснять ничего, ни даже говорить, просто – слушать и слышать мелодии друг друга? Отчего смотрю на неё – извне: изменилась? Или – прежняя, все та же безбашенная и смешная малявка Ри?

И эта новая Мириам – не ломкий стебелек, а сильное растение с глубоким и цепким корнем – шагает навстречу и смеется, протягивая мне ладонь:

– Ну конечно, прежняя!

И – сама распахивает двери в один на всех слухачей лес мелодий и звуков, где много лет назад – в *прошлом цикле* этого Города – в приграничной чаще близ Залужья мы впервые столкнулись с «пчелами» Тени – и впервые вместе одолели ее...

...Через пять минут я уже все знаю о Мириам. Вернее, все, что она *позволяет* мне услышать.

О трансформации : ею увенчалось их с Лисом второе – и последнее – бегство из Низин шесть лет назад, да и вообще – вся цепочка катастроф того страшного для этих двоих времени.

О портале под Синегорьем – и о самих Синих Горах, месте, которое излечило мою Ри.

О странствиях по лесам, заброшенным деревням, угасающим городам, умирающим землям. О работе, работе, работе – изо всех сил: забыться, перекроить судьбу, попробовать жить – иначе, так, будто и не было в ее жизни Низин... О стремлении забраться как можно дальше от них, не уходя при этом от заветных Синих гор.

Об этом ее подопечном, мальчике, которого она подобрала на одном из своих маршрутов, – Дин, кажется, его зовут...

Обо всем, кроме того, что скрыто за чугунными дверями с вязью кованых цветов во все поле. Кроме наглухо запертых отголосков Подземья.

И Мириам тоже узнает обо мне – всё. Всё, что я не боюсь открыть ей. Остальное – подождет до поры.

Мы не произносим ни слова. Нам, слухачам, к тому же привыкшим работать в паре, достаточно вслушаться в звучание друг друга.

Наверное, мы очень странно смотримся со стороны.

Тощий человечек в потрепанном учительском мундире – и крепкая темноволосая женщина в разбитых крестьянских башмаках и грубой шали поверх дорожного платья.

Сидят на скамье – не бок о бок, а в метре друг от друга – и неотрывно смотрят друг другу в глаза. Не говоря ни слова, не улыбаясь – не выказывая вообще никаких эмоций: мимика в такие моменты застывает, и – я могу понять тех, кто говорит, что выглядит это жутковато.

Сгорбленная старушка в плюшевом пальто поравнявшись с нашей скамейкой, бросает на нас подозрительный взгляд. Старушкина болонка, грязно-белая щётка, нетерпеливо взвизгивает, натягивает поводок и метет по дорожке в сторону библиотеки. Парк понемногу наполняется людьми.

Я выхожу вонне первым, на полуфразе:

– ...но Ри, скажи, ради Бога, почему ты не подавала о себе вообще никаких вестей – даже когда начала приезжать к этому твоему Младшему? Письма – ладно... почте здесь доверять не стоит... Но встретиться мы бы могли – по крайней мере, хотя бы раз за эти два года. Я примчался бы к Дину в предместье...

Ри пару минут молчит, затем отвечает невпопад:

– Вы ведь по-прежнему общаетесь с Лисом?

– Ну да. Конечно! Давно его не видел, но знаю: жив-здоров, весточки передает иногда... и каким-то чудом увильнул от постановки на учет, но это же – Лис! Однако какое

это имеет..., – я обрываю себя на полуслове. – Так ты из-за него?...

– Нет, – Ри просто и устало смотрит мне в глаза. – Из-за себя. Я... могла бы не выдержать. Я и тогда... Ты не представляешь, Сон, каких мне стоило сил – не вернуться к нему обратно после моего побега, тогда, шесть лет назад. Я ведь знаю, что почти убила нас обоих этим своим бегством. Я страшно виновата перед ним. И я сожрала себя этой виной так, что появись он у Дина пару лет назад – а он появился бы, я точно знаю! вместе с тобой бы приехал, почуял бы, тебе никогда не удавалось от него ничего скрыть! – я бы потащила за ним следом. Как побитая собака. В Низины. Насовсем. И – ненадолго, сам понимаешь. Потащила бы – даже если бы он гнал меня прочь...

Стараюсь говорить равнодушно и даже жестко – только бы скрыть безумную жалость к ним обоим. К этой их – переломанной, обреченной – любви:

– А сейчас что изменилось?

– А сейчас – всё изменилось, – ее голос становится глуше, глаза выцветают – как два болотца под бледным осенним небом. – Я теперь тут – этим все сказано. Мне нужно кое с чем поработать. А потом – пройти сквозь этот город.

– Ну так проходи. Не сквозь, а мимо. И строго по «пятнашкам», – неуклюже шучу я.

– Ты понимаешь, о чем я. Доделать то, что не получилось

в предыдущей фазе Безвременья.

– Ага. Ну-ну. У нас четверых не вышло, а у тебя одной вдруг все возьмет и сработает! Самоуверенности у тебя, моя дорогая... Нет уж, в одиночку я тебе работать не позволю, пока я тебе – Старший. Да и что еще можно сделать, кроме как завести Часы, как в прошлый раз?

– А что если я узнала о Низинах что-то новенькое? Чего мы тогда не то что не учли – в упор не разглядели? – глаза Ри блестят, на щеке играет ямочка. – Заметил один Миклош, но ты же его на смех поднял, и он больше никогда об этом не заговаривал. Ты умеешь убеждать. Даже его. И – Сон, где он, что с ним? Я была возле его дома... возле того, что там сейчас, – Ри передернуло. -- Будь Миклош хоть самым главой Двадцатки, он нипочем бы не позволил сотворить такое со своей «пятнашкой». С ним все в порядке? Ну не молчи ты...

– Миклош..., – это имя отдает горечью у меня на губах. – Все нехорошо... очень нехорошо, Младшая.

Ри бледнеет так, что мне становится страшно за неё.

Но – лучше об этом не говорить вслух. Особенно если вслух и не нужно.

И мы опять шагаем в лес переплетающихся мелодий.

3.

... Миклош. Я немного знал его и раньше, в юности, до всех событий прошлой безвременной эпохи. Он был на несколько лет старше. И, как и я, из преподавательской династии. Только я был обречен рассекречивать и переводить

старинные манускрипты в библиотеках Ордена, как и мой отец. А Миклошевой участью были лабораторные эксперименты. Но ненавидел он это так, словно бы опыты проводились не им, а – над ним. И в итоге бросил все и всех и ушел. Устроился сотрудником в какую-то газетенку. Только бы не идти по стопам своих деда и отца – маститых ученых, известнейших биохимиков Низинного края.

Мы иногда сталкивались с ним и потом – на студенческих вечеринках, куда его звали по старой памяти прежние однокурсники. Мы даже не прительствовали... но было в нём что-то такое, что заставляло – вслушиваться в то, чем он звучит.

Сутулый, патлатый, долговязый, похожий на печальную крючконосую птицу. Встрепанный, бьющийся когтями и крыльями о прутья клетки, яростно клекочущий вслух свои язвительные стихи. Угасший, поникший до земли, готовый тенью подранка стелиться под ноги тех, на кого только что набрасывался. Его считали тем еще сумасбродом. Родные его стыдились. А он... он всю жизнь доказывал им, что родился не зря. Что своему пути не обязательно быть наследственным.

Так и не доказал. Отец и дед отвернулись от Миклоша окончательно, когда вышел первый сборник его стихов. Мать и сестры не смели даже писать ему. А потом – в самый канун прежнего Безвременья – случился тот страшный пожар, что сожрал полпригорода старинных особняков. Родные Микло-

ша погибли в нём – все.

В то время я совсем потерял его из виду. Да и, если честно, я тогда разгребал целую гору своих собственных бед и хлопот. После долгой болезни умер отец, и меня скоропалительно возвели в должность преподавателя, чтобы место отца в Ордене не пустовало. После – малявка Мириам (и мои тщетные потуги быть наставником, примером и Старшим). Вести о беспутном отпрыске уважаемой фамилии доносились лишь изредка – сплетнями и пересудами на университетских посиделках, всплесками осуждения и радости – от того, что мы, правильные, не такие, как он.

Попытка самоубийства. Психиатрическая лечебница с романтическим названием «Загородная дача». Потеря места в газете. Кутежи, пьянки, женщины какие-то... Высаженное в карты состояние деда и отца. Купленный в момент просветления на последние клочки наследства дом – мрачный, стонущий каждой доской – не дом, а гриб-чага, вросший в огромное дерево возле одного из старейших городских кинотеатров.

Еще одна попытка – на чердаке того самого дома. Почти удавшаяся – если б не случайный визит одной из миклошевых «бывших».

Все те же врачи «Загородной», вытащившие Миклоша и на этот раз. Сразу по выходе оттуда – секта тиммеотов, адепты которой собирались в катакомбах под городом. Правда, там Миклош пробыл совсем недолго – лишь пока действова-

ли проколотые в больнице препараты. Затем – вдрызг разругался с сектантской верхушкой, с треском вылетел оттуда – и впервые за это страшное для него время разразился стихами, ядовитейшей поэмой «Иерофант». Ее тут же с удовольствием напечатали – сектантов в городе терпеть не могли, а выжить их – хотя бы за городские стены – почему-то не получилось. И – Миклоша восстановили в газете.

Больше я не слышал о нем ничего – ровно до того самого дня, когда мы с Мириам и Лисом обнаружили Миклоша в подвале его же собственного дома. Почти неживого – выпитого паутиной хворью, от которой не было и до сих пор нет никакого противоядия. Но Миклош – выжил... как? Уму непостижимо. Как и Низины – в это же самое время. Выжили. Проскочили пик Безвременья без обычной и все завершающей катастрофы – и, вместо того, чтобы еще несколько лет болтаться в состоянии полураспада и хаоса, начали очень быстро восстанавливаться.

Словно бы и город, и поэт совпадали в дыхании, в каком-то внутреннем жизненном ритме.

Нет, рецидивы «паутинки» трепали Миклоша и дальше... и он тогда выгонял всех из своего дома. Запирался – и крушил все, что ни попадется под руку – только бы заглушить боль, которую не брали даже самые сильные средства. Но приступ проходил, и Миклош – возвращался. Становился собой – не человек, гремучая смесь: я не понимал, как в нем одном уживались душевное благородство и издевка над са-

мым дорогим. Яд – и какое-то детское, чистое удивление миру.

После того, чем нас всех четверых повязало Безвременье, мы общались довольно часто и близко... и, наверное, дружески... но я и тогда не раскрывался перед ним полностью. Дети, Лис и Мириам, – те просто радовались ему, и Миклош при них был простым и светлым. Не притворялся, нет – просто жил одной из своих ипостасей. Для меня он приберегал другую – и мы периодически сцеплялись в смертельной схватке: эмоции против логики, вдохновение против рассудка. Запрещенные приемы – против отлаженного временем регламента поединка. Я уставал от него. Он это чувствовал – и в своих умопостроениях разъярялся еще больше. Словно бы он не меня – своих отца и деда видел перед собой...

Таким он был и в ту из наших встреч, после которой изменилось – все. Он влетел ко мне прямоком с заседания Совета Двадцати. Его теперь туда звали нередко – «освещать события в прессе».

– Сволочи! Строить заводской поселок на краю самого Теневого Разлома! – он метался по комнате, расшвыривая попадающиеся на глаза книги. – Эти идиоты не понимают, что ли, что они – людей угробят? Строителей, рабочих... да всех живущих по ту сторону реки – если Тень опять начнет расти, если плесень попрут, как на дрожжах? Там же всякий раз люди целыми слободами от плесенной лихорадки вымирали – стоило только к Разлому лапы загребущие протянуть... и

я говорил об этом, я из кожи вон лез, только бы меня услышали. Я же в курсе дел. Мои – ну, ты же знаешь, Сон! – всю жизнь эту плесенную заразу изучали, и я – тоже должен был бы, по их стопам. Я знаю, о чем говорю! Ну как, как *этим* еще доказать?...

– А чему ты удивляешься. Сам же знаешь, нормальные люди в управленцах не задерживаются, остаются – вот такие. Этих убеждать – только бисер метать не по адресу. Делай свое дело, успокойся – и не связывайся ты ради Бога с этой шушерой, – я попробовал урезонить его. Но, кажется, сделал только хуже, потому что Миклош взвился, как пламя костра, в который плеснули керосину.

– Да какая разница, с кем буду связываться я, если вот-вот куче народа подпишут смертный приговор?! Сон, ты хоть понимаешь, насколько это подло – так рассуждать? Ладно эти свиньи, им даже простительно, у них вместо мозга – руль от сейфа. Но вы... высоколобые ученые мужи..., – Миклош побагровел, подавился кашлем – и я вдруг понял, как близок очередной приступ «паутинки», когда он опять запрется внутри чагового нароста и начнет клевать его изнутри, стараясь выклевывать свою боль до дна.

– На заседании было несколько ваших, – Миклош выплюнул это «ваших» как проклятие. – И ни одна с... ни один из Ордена – ни словечка не проронил. О бредовости этого плана с застройками. Никто. Хотя орденские о Теневом Разломе и о статистике смертей там – знают. И вот их – управленцы

послушали бы. Их, ученых, а не какого-то там репортёришку с невнятной репутацией. И кстати, – он наклонился ко мне с белыми от бешенства глазами, и я внутренне поморщился – это все казалось мне выпендренным, театральным... слишком в стиле Миклоша, который через час после вспышки мог спокойно болтать о сущих пустяках. – Кстати, я услышал, как наш досточтимый декан Орига, он же брат Каракурт, даст пояснения мэру, что я такое – да из какой семьи... Вплотоголоса, оправдываясь, – ни дать ни взять санитарка из «Загородной», которая за психом не уследила! И тот – усмехается: ладно, мол, на всякую деревню найдется свой дурачок. Так вот, я – Миклош Островежский, и шутом себя считать не позволю никому. И память родных трепать не дам. Я им всем устрою...

И он действительно – устроил.

Поднял все архивы семьи – и научные труды отца и деда. К концу месяца газета, где Миклош был корреспондентом, опубликовала скандальное расследование на тему готовящихся геологических разработок в Теневом Разломе. С использованием настолько глубоких и неопровержимых доказательств преступности этого намерения городских властей, что в Низинах запахло бунтом. Даже наш великий и могучий «оплот духовной и научной жизни края», Орден Ткачей, пересмотрел своё отношение к данному вопросу – и внешне поддержал «достойного сына ученой династии». Ми-

клош из отщепенца и паршивой овцы превратился в «хранителя традиций и пример здравомыслия». А Орден, вооружившись научными выкладками из работ старших Острожежских, объявил Управе решительный бойкот – до тех пор, пока приказ о строительстве завода и поселка не будет отменен.

Было совершенно ясно, что управленцы этого Миклошу не простят.

Он нервничал. Его уже не раскачивало из лютого раздражения в бешеную веселость; его – крутило «солнышком», и все фазы миклошева нрава были явлены одновременно, и все они доставались – мне: он на время поселился у меня – из соображений конспирации, как он сам говорил. Но я подозреваю, что он просто боялся оставаться со всем этим один на один. Он азартно ожидал ареста каждую минуту, сыпал стихами и анекдотами, много пил. Он был навеселе и в тот день, когда мне позвонили, и бесцветный голос попросил к телефону – его, Миклоша Острожежского, репортера «Низинных вестей».

Через час за ним, тихим, протрезвевшим, бледным до прозрачности, приехал автомобиль из Управы. Миклош неловко обхватил меня за плечи, встряхнул, прощаясь. Сказал что-то патетическое, лихое... но в нём звенел – страх, и прощание вышло жалким.

Я долго размышлял потом о природе этого его страха. Вряд ли Миклош боялся ареста, тюрьмы, преследований.

Ему ли, прошедшему сквозь самое дно Низин, было опасаться тяжелых условий. Даже смерть его не пугала, а, пожалуй, влекла, – его пугала лишь бессмысленность смерти «ни за грош». Нет, тут было что-то другое. Накрепко завязанное на всей сути его, миклошевой, жизни . И почему-то на его – с самого детства еще! - ненависти к снисходительному сме-ху...

...Возвратился он – вечером. Неверными шагами поднялся на мой второй этаж. Дрожащими пальцами открыл дверь, тенью проскользнул в кухню и залпом осушил кувшин с водой.

Я ни о чем не спрашивал. От него так явственно звучало произошедшей катастрофой, что мне оставалось только ждать, когда она – вырвется наружу : яростью, проклятиями, разгромом – или даже приступом «паутинки». Я был готов ко всему.

– Сон, дружище..., – он поднял на меня совершенно безумный взгляд. – Меня наградили орденом за заслуги перед городом. И приняли в Совет Двадцати , – и он беззвучно расхохотался. По лицу его текли слезы.

... Это оказалось правдой.

Со следующего дня все изменилось молниеносно – и бесповоротно. Миклоша, словно электрическую лампочку из гнезда, вывернули из всего того, что составляло его прежнюю жизнь. А новое – иной круг общения, иные обязанности, положенный по должности большой дом со штатом слуг,

шофером и секретарем, – сжигало все его время подчистую, как он сам говорил мне – в редких теперь телефонных разговорах.

А возможно, Миклош просто не хотел возвращаться – в прошлое. Которое оспаривало его-теперешнего. Его – соратника мэра и одного из столпов Низинного управления.

«Они поверили, Сон, – можешь себе представить? – они в меня поверили! Что я потяну это огромное дело – защиту Низин от Тени и ее производной, плесенной лихорадки! – ликовал он. – Они там, в Управе, вовсе не дураки – необходимость что-то с этим делать они – видят! У них просто ни фактов, ни разработок не было нормальных... ну, зато теперь все есть. Зря мы, что ли, всех биологов Ордена к этой работе подключили? А мэр вообще молодчага: попросил тут меня – лично попросил, слышишь? – опубликовать все засекреченные разработки деда и отца и организовать спецлабораторию. Штат набрать. И продолжить изучение свойств серой плесени – чтобы максимально обезопасить город! С финансами тоже проблем не будет, это он мне пообещал!»

Я слушал его – а что мне еще оставалось? Я вслушивался в эту быструю речь, больше всего напоминавшую горячечный бред в преддверии «паутинки»:

«Нет, не подумай, я – и отказывался, и сомневался... куда мне, недоучке, со свиным рылом в калашный ряд. Но – он мне сказал : «Кто, если не ты? Ты – сын своего отца, ты обязан продолжить его дело... Ты же знаешь, как много значит

преимущество в нашем крае! Только ты можешь вернее всех оценить гениальность наследия Островежских. Только ты сумеешь осуществить все задуманное ими – практически и на благо людей. Кроме тебя – некому...» И я – согласился... »

Я слышал за всем этим прежнего Миклоша. Неприкаянного, лишённого всякой опоры. Только этого Миклоша – не прогнали взащей, не высмеяли. А – впервые в жизни бросили ему зёрна.

А он за это – бросил им под ноги всего себя.

Исследования старших Островежских прогремели на весь Низинный край. Совет Двадцати счёл необходимым провести с населением разъяснительную работу, что из себя представляет Тень – феномен и проклятье наших земель. А потому несколько томов научных изысканий – перекроили и сбили в краткое и, надо сказать, довольно-таки примитивное повествование уровня «памятки» для школьников. И выпустили этот шедевр сотнями брошюр, которые стаями разлетелись по всем Низинам, пользуясь бешеным спросом у жителей.

А ведь, по сути, даже сами исследования были не более чем разрабатываемой версией. Незавершённой работой. Но людям так хотелось не «предполагать», а «точно знать», что никто и не задумался о том, почему все-таки Островежские-микробиологи не спешили с публикациями на эту те-

му...

Природа Тени сравнивалась в этих популяризаторских книжках с излучением: невидимое глазу поле, с изначальным очагом в Теновом Разломе и вторичными микроочагами, разбросанными по всем Низинам. «Кляксами», как мы их называли...

Везде, где сквозь низинную землю проклевывался очередной очаг Тени, тут же начинался стремительный рост так называемой «плесени». И выброс ее «спор». Собственно, мы все дышали ими. «Спорами» был пропитан воздух нашего города, где – гуще, где более разреженно. В «пятнашках» их совсем не водилось. Но в очаге – месте, где они зарождались – находиться было небезопасно даже обычным горожанам, не говоря уже о тех, кто самый низинный воздух переносил с трудом...

По сути дела, к настоящим плесенным грибкам эти прикрепляющиеся к домам и деревьям и облаком стелющиеся по земле серые частички, похожие на чешуйки пепла, – отношения не имели никакого.

Это было нечто абсолютно чужеродное живой и неживой природе Низин, да, пожалуй, и всей планеты. Островежские именно об этом и предупреждали в своих исследованиях.

Однако объяснить феномен Тени через сравнение ее с чем-то земным и привычным оказалось проще – и к послед-

ней странице популяризаторского текста люди успокаивались совершенно.

Тень больше не казалась им чем-то жутким и непреодолимым. А надежда на то, что не сегодня-завтра город справится с этой напастью, крепла.

Свою работу такие брошюры делали.

Теневой Разлом перестал внушать ужас.

Спецлаборатория Миклоша заработала. Расширилась – ее перенесли в тот самый Теневой Разлом, чтобы было удобнее брать материал для опытов. Сотрудников Лаборатории возвеличивали как героев-первооткрывателей, спасителей Города – и никто уже не заговаривал об опасности работ в Тени.

Внезапно обнаружилось, что теневую «плесень» можно перерабатывать особым образом – и изготавливать из неё всё, от топлива для машин до лекарств и даже пряжи. Все это вагонами переправлялось в столицу и иные города и земли. Город стремительно богател.

А еще через некоторое время лаборатория Теневого Разлома преподнесла горожанам новое открытие. Вакцину, которая – нет, не истребляла «плесень», не помогала бороться с ее смертоносным порождением – лихорадкой. Но – адаптировала к «плесеным» спорам человеческий организм. Внедряла в каждого – частичку Тени. Безболезненно и без последствий, как утверждалось во всех выдаваемых больным проспектах.

Прививаться бросились толпами. Никому не хотелось му-

чительно умирать от сумасшествия, боли во всем теле или удушья только потому, что случайно подцепишь лихорадку вне "пятнашки". Казалось, наука с блеском победила Теневое проклятье...

Ну, почти с блеском, потому что вакцина работала не на всех.

Немногим «счастливчикам» вроде меня приходилось принимать противоядие постоянно. Раз в неделю таскаться в специальный пункт санитарной инспекции при полицейском управлении и, отметившись в особом журнале, при свидетелях выпивать это – омерзительнейшее, надо сказать – снадобье.

И вдобавок таскать его с собой внутри "споры" - особой ампулы на рукаве, обозначающей твою принадлежность к так называемым «малоиммунным». Санинспекторы утверждали, что само наличие «вакцины» (пусть даже и на рукаве, а не в твоём желудке) снижает риск заболеть – «и заразить!». А если ампулы с собой не было или она была пустой, можно было даже в участок загребеть - за «дезинформацию относительно своей потенциальной опасности для здоровья жителей Низинного края». Списки малоиммунных были в каждой караулке, а стражи порядка только радовались ещё одной возможности содрать с граждан штраф.

Кое-кто умудрялся жить и без вакцин, и без спор, но ока-

зывался в этом случае вне закона. Вот как «солнечники». Да они – пожалуй, единственные из всех групп горожан – и не стремились ее заполучить. Вакцинация в их случае означала верную смерть: на Тень и любые ее производные у них шла сильнейшая аллергическая реакция. А потому неудивительно, что «не-люди», как их еще называли, всячески избегали медицинских рейдов и требований городской администрации присоединиться к уже исцеленным. И в итоге оказались вытесненными в глухое Заречье, место пустырей, опасных закоулков – и сплошных «пятнашек».

Горожане и раньше недолюбливали этих «детей ущербной луны», а после всеобщей вакцинации и вовсе возненавидели. Почему-то считалось, что именно они, неиммунные, – переносчики плесенной лихорадки. И хотя никакого подтверждения этому не было, официальные власти не спешили это опровергать: притеснять не-людей было в данный момент – удобно. Один только Орден Ткачей пытался вести борьбу за жизни «солнечников» – разъясняя, выигрывая суды, оспаривая аресты, вытаскивая их чуть ли не из самого жерла Амфитеатра... Но – как этого было мало, по сравнению с лавиной тотального невежества и желания искать виноватых...

То, что случилось с городом сразу же после появления вакцины, было вполне закономерно.

Окончательное закрытие Низин для посторонних: двойные кордоны, заставы по периметру, отлов нелегалов и не-

людей. Контроль за каждым шагом любого из законопослушных горожан. Санитарные рейды принудительной вакцинации. Совсем недавнее, полуторагодовой давности, изобретение – жуткий Амфитеатр на склоне Теневого Разлома, рядом с Лабораториями.

И совершенно вышедшая из берегов Тень.

Она захватывала все больше и больше низинной земли. И, хоть нас всех и убеждали, что нам, вакцинированным, уже нечего ее опасаться, мы все равно избегали мест, где в воздухе реяла пепельная хмарь, а горло словно петлей стискивало...

Спасали «пятнашки».

Они были россыпью островков безопасности в этом — с каждым днем все более загустевающим – плесенном поле.

И нам - по привычке, не иначе! - по-прежнему было легче передвигаться внутри Низин по этим светлым островкам вне Тени. Зигзагами, от стены к стене, с тротуара правого на тротуар левый.

Говорят, сначала по этим "скачкам" пытались вычислять не-людей: те совсем не переносили Тень. Но потом, увидев, что горожане так ходят - все, махнули на это рукой как на одну из причуд местных жителей. Вроде строгой приверженности гильдиям и народной любви к местному солодовому пиву.

Или привязки к родному городу. Такой крепкой, что, сто-

ило тебе подойти к границам края, как та самая «петля» на горле затягивалась так плотно, что спазмом перехватывало дыхание, и все мысли были только об одном – вернуться... скорее вернуться обратно – в Низины, внутрь двойного кольца городских стен...

Каким бы сильным ты ни был...

Ведь даже Лис...

... Я мысленно дал себе оплеуху: ну не сейчас же! Не думать, не вспоминать о нём – пока мы с Младшей находимся в одном поле. Пока это может ранить ее.

Умение мгновенно ставить заслон для собственных мыслеформ и их мелодий – первое, чему учат новеньких слушачей. И уж кому, как не мне, владеть им в совершенстве.

Но – на Ри это не подействовало. Никакие мои заслоны. Она чуть вздрогнула, пропуская сквозь пальцы нить этой мелодии-воспоминания, о Лисе – о том времени, когда он героически пытался жить вне Низин, в ее городе, – и так и не смог там удержаться. Затем снова отступила – позволяя мне тешить себя иллюзией, что у меня все получилось, что от ненужных воспоминаний я ее уберег.

Выдохнула.

И требовательно взглянула мне прямо в глаза:

– Что с Миклошем, Старший? Я совсем не слышу его... Я пыталась. Там, где я сейчас живу, это можно, хоть и изредка: Тень нас не чувствует. Но его как будто нет. Его мелодия стерта...

– Ри, ты только постарайся не волноваться, – я взял ее вздрагивающую руку в свои ладони. – С Миклошем случилась беда. Вскоре после того, как на нем испытали ту самую вакцину. Она сработать-то сработала, да только очень странно. У Миклоша полностью исчезла его паутинная хворь – и прежние болячки. А потом он стал меняться. Даже внешне. Ты бы его не узнала...

– Узнала бы, – шепчет совершенно раздавленная Ри, глаза – два озера, переполненные тоской.

Я опять бросаю ей клубок со свернутой мелодией-воспоминанием. Нет, я не могу о таком – вслух.

... Долгое, не в одну неделю, молчание Миклоша. Я не навязывался, я понимал: ему, в его выматывающих ежедневных хлопотах, не до старых друзей. Идиот... может, если бы я хоть изредка выбивал миклошеву дверь с ноги, врвался к нему изнутри нашего-на-четверых-пространства, все было бы иначе.

Но я предпочел уйти в тень. Слегка обиженно уйти – вдоволь натешиться своим одиночеством: Ри и Лис тогда жили в Синегорье, там все было зыбко и хрупко, и я боялся даже намеком вызвать их обратно в Низины. Я ничего не сказал им и когда они вернулись, и позже: у этих двоих была своя беда, им было не до моей никчемушной рефлексии. Так мне тогда казалось.

А потом был – ночной звонок. Отстраненный голос, вы-

зов – и вот я уже мчусь в больницу, затем – в полицию, даю показания, объясняю, требую объяснить – мне...

Миклоша нашли в его старом доме. Через сутки после того, как он вскрыл себе вены.

4.

"Сон, дружище, не верь ничему, что будут обо мне говорить. Верь лишь одному: то, что я делаю, - действительно единственный выход, иного мне не дано. Я не прошу прощения. Я знаю, что на моем месте ты поступил бы так же.

Хотя - разве ты, с твоим умом и хладнокровием, попался бы на тот крючок, каким зацепили меня? Не думаю. Но в любом случае прошу тебя не горевать обо мне - и не позволять этого младшим, Лису и Ри, когда они узнают.

Дело не в том, что я ошибся. Поверил в свою значимость, в нужность городу... да, черт возьми, в то, что мои – если бы были живы! – могли бы гордиться сделанным мной для Низинного края. Мной - гордиться, а не презирать. Не в этом дело.

Дело в фатальности некоторых наших ошибок.

Я так и не понял, что стал ключом. Им, этим упырям из горуправы, не нужен был я. И не нужна была никакая

там экология, медицина и прочая дребедень. Им нужны были секретные разработки знаменитых Островежских. Этого предоставить им не мог даже Орден. Никто, кроме наследника, единственного, кто имел на это право по закону. Ну и... ты видишь, свое они получили, а наследник, считая себя героем и умницей, на самом деле оказался предателем и последним дураком.

Деньги. Использование плесенных грибов для производства жизненно необходимых вещей - это деньги. Огромные. Такие, что, если бы не специфика Низинного края, мы переплюнули бы столицу.

Вакцина - это ещё больше денег: возможность разрабатывать самые затененные места города и привлекать для этого как можно больше людей. Которые нынче драки за место в Теневом Разломе устраивают. И никакой лихорадки больше не боятся - да и лишний раз не задумаются, а все ли так прекрасно с противоядием от неё.

И... я мог бы многое порассказать обо всем этом. Выволочь на свет столько подковерной мерзости, что ты задохнулся бы от отвращения. Но ты и сам все раскопаешь, гораздо быстрее меня.

Но не это главное.

Эти твари нашли способ активизировать Тень. Зачем?

Для того, чтобы мест с её излучением в Низинах стало как можно больше. А значит, больше серой плесени, материала для синтеза и переработки. И в конечном итоге, денег.

Одного они не учли... Да и никто никогда этого в расчёт не брал. Они имеют дело с чем-то вроде роя разъяренных пчёл. И этот рой в любой момент может обернуться против них. Против нас всех.

Плесенные частички - микроскопические "солдаты" это... явления? Не знаю - кто только ни строил догадок о том, что такое Тень...

И теперь они - внутри почти всех горожан. Адаптированы к носителям.

Тень начинает - нет, не охоту, как прежде. Экспансию. Она - подчиняет себе тех, в ком находится хоть малейшая её часть и кто – пусть даже нечаянно – вызвал к жизни эту частичку. И сопротивляться этому чудовищно тяжело.

У меня - не получилось. Я чувствую, как Тень изнутри переделывает, перекраивает меня на свой лад. Я нужен ей, и зачем-то нужен здоровым и полным сил. У меня исчезла "паутинная хворь" - совсем, окончательно. Скажешь : радуйся, придурок, в кои-то веки тебе выпал счастливый билет! Но... Сон, я перестаю быть собой. Я перерастаю в нечто, думающее не по-человечески, поступающее не по-человечески. Я теряю контроль над тем, что делаю. Как если бы я был безгласным наблюдателем в герметично закрытой камере своего тела. Если бы я просто отключался в такие моменты, мне,

честное слово, было бы не в пример легче. А знать и воочию видеть, что ты становишься способен на то, о чем раньше и помыслить без омерзения не мог...

Сон, я несколько раз пытался уйти – не просто так. Утащить за собой этого монстра, которому сам же и дал жизнь. Уничтожить Лаборатории. Поздно. Мне попросту *не дают* это сделать. Та часть Тени, что проросла вглубь меня. Я опоздал и в этом. Я надеюсь не опоздать – хотя бы сейчас...

Сон, пожалуйста, осторожнее с властьпридержащими. Они - такие же. Они - окончательно и бесповоротно стали перчатками этой силы. И, как я понимаю, по собственному хотению. Уже давно. Если будешь что-то предпринимать, действуй тайно. И заклинаю тебя, прекрати пить это свое противоядие. Да, таскай его с собой - пусть не докапываются, пусть не додумываются, что ты не на стороне Тени! А сам - веди тайную борьбу... да хотя бы за себя. Выживешь ты - выживет часть Сияния. Того, о котором вы с Мириам так часто рассказывали мне.

За ребятишек я не боюсь. Они — неиммунные, их эта дрянь не коснется.

Прощай. Прощайте. Пусть у вас всех получится то, что не вышло у меня."

...Ну вот и все. В руках у Мириам вздрагивает листок с легким стремительным почерком: стаи, сорвавшиеся в последний перелет.

Теперь – знает и она.

Всматриваюсь в нее. Мне не услышать, что она чувствует: она закрылась, а я едва держусь на ногах, из меня словно каркас вынули.

Словно письмо и было моим каркасом все эти годы. С тех самых пор, как через неделю после похорон моего друга мне прямо на улице всунул его в руку странный субъект с белым рубчатым «солнышком» на самом горле – «меткой не-людя», как называли это в простонародьи.

С того дня я носил этот грязно-белый конверт с собой. Не в том дело, что боялся: как бы не потерять, как бы не выкрали. Просто пока письмо было у нас, то и Миклош – словно бы тоже был рядом.

Мириам складывает листок, на миг закрывает глаза. Сжимает руки – до красных пятен. Потом глухо бросает:

– А я – ничего не знала. Ни-че-го!

Размыкаю замок ее рук, баюкаю ее ладонь, стараюсь унять её ярость и боль – зашкаливающие, осыпающиеся проросшими листьями, готовые вот-вот обрушиться ей же на голову – и заодно запустить реакцию полного оборота:

– Я пытался сообщить... Мы звонили вам в Синегорье, но вас там уже не было. Лис узнал обо всем, когда вернулся. А тебя мы так и не смогли найти.

– Я была в горах... – шепчет она. – Сон, я в это время – была в Синих горах! Приходила в себя. Отдыхала. Набира-

лась сил. Росла, – голос Ри переполнен ненавистью – к себе. – А Миклоша – уже не было.

Из ее распахнутых глаз текут реки и реки, и мне так жаль ее – и так хочется прижать ее голову к своему плечу, успокоить, спрятать – совсем как раньше, когда она была малявкой- бродяжкой, а я был ее нянькой. Но я только и смею, что протянуть ей платок.

– Ри, этого было не предотвратить. Никто бы не смог. Но – ты меня слышишь, Младшая? – мы сможем сделать кое-что другое. Такое, во что Миклош ввязался бы всей душой, как только об этом узнал. Мы можем запустить время города. А если вдруг получится, то и саму Тень обкромсать, насколько это возможно. И в этом – Миклош будет с нами до последнего. Давай рассказывай, что ты там накопала.

Глава 4. Лис. От рассвета до рассвета

1.

Как-то не задался сегодня день.

Как затлел тревогой с самого утра, так и тянулся до полудня тяжелым смрадом.

Прорваться сквозь него. Сквозь запах железа и солярки. Сквозь этот наш дурацкий, нескончаемый и почти безнадежный ремонт заклинившего движка. Сквозь телефонные гудки – тоже безнадежные, тоже нескончаемые... Прорваться. И не свихнуться при этом...

Прихожу в себя только к обеденному гимну.

Солнце. Духота. Вонь жженных покрышек и бараньего жира: Эч, Ук и Ога, мои подручные, трапезничать наладились. Расселись у костерка, жарят в котелке какую-то требуху. Отдыхают, черти. Предоставили мне – как старшему всей этой шараш-монтаж-конторы – почетную миссию ковыряться в нутре у бронированного красавца «завра». Его, совсем еще нулячего, умник-хозяин довел практически до инфаркта, а потом сплавил нам. С приказом вернуть к жизни в кратчайшие сроки...

... А мне – ну никак мне нельзя еще и сегодня в мастерской допоздна задерживаться!

Вылезаю из-под капота, досадливо сплевываю в песок. Окликаю. Грозно пинаю консервную банку в сторону костра.

Этим, забалдевшим под резиновый чад, хоть бы что. Хоть бы спиной дернули. Гоняют своё радио – вместо того, чтобы механику помогать. Мне, то есть.

Засранцы беспаспортные. Понабрали их на мою голову.

Хотя – что уж там, я и сам на птичьих правах. Если бы не Дарий, наш хозяин – и приятель мой с самых щенячьих времен, мне не то что автомастерской этой – ничего, кроме глухого Заречья, было бы не видать, как своих ушей. Да и того – при условии, что раньше меня не сграбастают наши доблестные низинные полицейеры.

« Не парься, – говаривал мне на это Дарий. – Никто тебя никуда не загребет. Иначе у нас вся мэрия без авто останется. Руки у тебя, Йиржи... всей городской управы стоят. Золотые руки. И мастерская наша – одна из лучших в городе. А кому какое дело, кто в ней работает, если ремонтируют быстро и на совесть? »

И дешево.

Вернее, это мы тебе, Дарий, обходимся дешево: трое пацанов-переселенцев во главе с механиком-не-людем. Который у тебя здесь – скрывается под чужим именем и с поддельным пропуском. И ампулу-спору на рукаве носит – для отвода глаз, пустую: попадись с ней контролю – всё, приехали...

И ты о ней, об ампуле этой, – в курсе, а как же. Иначе не-

людей этот не то что работать у тебя безвылазно – на ногах бы стоять не мог. Вакцина таких – не лечит, а совсем наоборот. Даже если она висит балластом на запястье и ни при каких обстоятельствах не принимается внутрь. Мы тем и отличаемся от остальных горожан, что на Тень у нас – что-то вроде аллергии. Жесткой. Часто – смертельной.

« Если правильный подход найти, с кем угодно договориться можно, -- подсмеивался Дарий. – Даже насчет такого, как ты»

И – черт возьми, Дарий, я тебе – благодарен. Я – в ноги тебе кланяться должен: я до сих пор – живой, здоровый, относительно свободный и даже при деньгах иногда. Чего еще желать – в моем-то положении.

Но – ничего не могу с собой поделать – переворачивает меня от подобного расклада. От того, что мы – совсем еще недавно – были на равных. Мастерскую эту держали – на па-ях. И от того, что один из нас – случись что – вправе сдать другого со всеми потрохами. Еще и премию за это получить от властей....

... Подручные мои меж тем окончательно совесть свою в костре спалили, как лопнувшую крышку. Зашаманили под музыку, раскачиваются в такт и глаза прикрыли. Им все равно, что по радио передают. Хоть оперные арии, хоть объявления городской управы. Хоть гимн этот, которым в Низинах полдень отмеряют. У себя-то, в селениях дальнего На-

горя, они сроду такого не знали – звуки из ящика в стене добывать. Вот и бегают при каждом удобном случае на перекур, слушать. Пацаны совсем, что с них возьмешь. Даже старший, Ук, который сюда приехал на свадебный пояс зарабатывать...

Ну, держитесь.

Подкрадываюсь – к самым спинам. И оглушительно свисту над бритыми головами.

– Ай! Дилги! – толстоватый Ога котом взвился со своего места, Эч упал на спину и испуганно захлопал глазами, и только Ук подхватился и бросился к гаражу, бормоча что-то виноватое.

Дилги – это они так меня зовут. Лис, то есть.

– Так, парни, – сразу перехожу к делу. – Сегодня – кровь из носу надо вон то чудище, – киваю в сторону полуживого «завра», – до ума довести и хозяину сдать. Иначе доблестный советник Эмаго устроит нам всем... баранину по-нагорски. Его это машина.

Эч и Ога изо всех сил кивают – и не трогаются с места, команды ждут, обалдуи. Ук – уже в «заврьем» моторе, по локоть руки в солидоле, молодчинище.

– А автобус из мэрии сегодня опять не успеем, – продолжаю я. – Придется ему у нас в дальнем гараже до конца недели постоять. Ничего, перебыются как-нибудь и без него.

– Как это не успеем? – долговязый Эч расплывается в широкой улыбке. – Дилги, так мы ж его позавчера еще... ты

разве не знаешь?... – но получает тычок локтем от сообразительного Оги и изумленно замолкает.

– Не успеем, -- внушительно повторяю я. – И успевать не будем еще несколько дней. До автобуса ли тут, когда срочные заказы на голову сыплются, как яблоки по осени. Сами все понимаете. И Дарию так скажете. Если вдруг в вагончик к нам нагрянет и спрашивать начнет.

– А ты, Дилги? – подает голос Ога.

– А я и сегодня ночевать здесь не буду, уйду до утра. Сами базу закроете, ключ пускай Ук заберет. Лады?

Добавляю:

– Я вам арбузов привезу. Ваших, с родины. Мне... достать их обещали, с поезда.

Вижу, как грустнеют их глаза: тоскуют мальчишки по дому, что ни говори. Чужбина – не любимая бабушка с сырными лепешками.

Впрочем, в жизни бывает всякое. Случается, что и родной край – словно озверевший запойный папаша с дубьем наперевес.

Вспоминаю о звонке на рассвете – и на душе становится совсем скверно. Звонил Рыба, один мой знакомец из лоцманской гильдии. Дел у нас с ним особых никогда не было, но я ему однажды помог – подхватил на окружной, вместе с «мотылем» – двумя подопечными переселенцами, под самым носом у полиции. И добросил до его, Рыбьей, ухорон-

ки – близ речных заводов Урагановского Перевоза. Мне это не стоило ничего – а вот Рыба с тех самых пор считал себя передо мной в долгу. И подкидывал кое-какую информацию время от времени. Из каких-то одному ему ведомых источников. Таковую... предупреждающую. И достоверную – до зубовного скрежета. О засадах на трассе. О готовящихся облавах. О секретных указах нашего всемогущего Совета Двадцати. Так что приятности от его звонков не было никакой, хоть и выручали они меня не раз. Но того, чем Рыба огоршил меня с утра пораньше, не ожидал даже я.

– Лисяра, дрыхнешь, поди? – прокуренно заорал он в трубку. – А сегодня Орден сняли! Ликвидировать будут!

– Как Орден? – я так обалдел, что ущипнул себя за ухо: не снится ли мне – и этот звонок, и новость эта. – Ткачей?

– Их самых. А я, между прочим, говорил, что этим дело кончится. Допрыгались. Довыступались против Совета. Теперь кто из ихних на Амфитеатр работать не станет, того – туда и определяют. Так что это... если у тебя есть из Ордена знакомые, ты их предупреди, сейчас аресты пойдут.

Орден. А это значит, Сон.

Правда, он ушел из университета. Не так давно. С тамошним руководством расплевался, что-то там было такое... отвратно пахнущее. С чем даже терпеливый Сон смириться не смог. А из Ордена он попросил себя исключить еще раньше... Но – кто здесь, в Низинах, не знает, что из братства

– не уходят, Орден не отпускает тех, кого присвоил... даже если они думают, что порвали с ним насовсем. Что изменили свою судьбу.

Сон – наверняка у себя дома. Где ему еще быть.

Вызвоню, предупрежу... Пересидит день где-нибудь, где его не отыщут. А ночью я его вывезу – не может быть, чтобы у него не осталось друзей, которые его примут и спрячут.

В крайнем случае, у нас в вагончике проживет какое-то время. Парни не сдадут, в этом я уверен. Мы все тут – одно сплошное нелегальное братство...

– Хотя – как по мне, без толку все это, – продолжал вещать Рыба. – Слишком они приметные, Ткачи эти, их и из-под земли выдернут. Но сам – смотри, аккуратнее:ваших перед властями защищать теперь совсем некому стало. Может, все-таки к своим подашься?

– Угу, к своим, – ух как хотелось изо всех сил брякнуть телефонную трубку на рычаг, лишь бы этого Рыбьего сочувствия не слышать. – В резервацию! Этим, в управе, только того и надо – чтобы мы тайные дороги закрыли, все шлюзы задраили да внутри Заречных «пятнашек» осели. Там нас тепленькими в клещи и возьмут, Тени на радость. Нет уж. Пока могу, буду туда-сюда челночить.

– Так о том и речь! Орденский мост перекрыли. Ну, тот, по которому у вас путь за реку был налажен. Последний из беззаставных. Теперь все. Караульня там. С усиленным на-

рядом. Приказ секретный, но пара ваших машин уже попала. С продовольствием. Водил обоих – в Амфитеатр переправили, продукты – в реку, лишь бы не-людям не доставались. Так что – смотри, Лис, я тебя предупредил.

... В это утро я оборвал телефон Сона. Так и не дозволился. Урезонивал себя, как мог: ну вышел человек куда-нибудь... в гости в кои-то веки закатился, вот и не отвечает. Но запах беды преследовал меня – как вонючий костровой дым.

Часам к двум пополудни я взвинтил себя окончательно. Плюнул на все, оставил почти доремонтированного «завра» на парней, прыгнул на дариев мотоцикл и рванул в центр города. На уютнейшую старинную улочку, над которой расплзалось теневое пятно – это из-за него я не был у Сона целую вечность. Ну да оно не так страшно, если делать все очень быстро. Я вбежал в дом, взлетел по лестнице, стукнулся в квартиру. Дверь оказалась отпертой. И Сона дома – не было.

И времени у меня самого - почти совсем не осталось.

Как я добрался до мастерской, помню с трудом. Плохо мне было. Из-за того, что Сон неизвестно где - и это счастье, если не на пути в Амфитеатр. И ещё - из-за Тени над его домом. Она все-таки зацепила меня. Но я держался до самого прихода Дария. Как мог, держался. Заказы-то кто сдавать будет?

Когда к вечеру советник Эмаго явился за своим авто, меня уже вовсю полоскало – так, что я едва стоял на ногах. Тот подозрительно уставился на мою перекошенную физио-

номию, а Дарий тут же поспешил оттереть меня в сторону: не обращайтесь, мол, внимания, мастер тут у нас накануне перепил малость, простите дурака... Но машинку он вам отладил, будьте уверены, все работает как часы!

И пацаны мои – Ук, Ога и Эч – понабежали, загалдели вокруг советника, заобъясняли ему что-то... В общем, я отполз в вагончик незамеченным – и там свалился прямо на пол, уже не в силах и дальше сдерживать приступ дурноты и удушья. Схватившись за пульсирующее горло. Чувствуя, как из-под пальцев расползаются раскаленные лучи не-людского «солнышка» – по шее, по лицу, по груди. Проваливаясь в небытие – и, как обычно, надеясь, что и на этот раз оно – временное. Что теневая петля ослабнет и уйдет, как только напьется из меня – сил, крови, жизни.

2.

«Лис, вставай, – шепот-щекотка у самого уха. – Счастье проспишь!»

Запах молока и травяной крови.

Тонкие пальцы – зарылись во вздыбленную на загривке шерсть, снимают петлю с горла, отпирают легкие – переполненные, готовые взорваться... успокаивают...

Мой давний, самый любимый – и самый горький! – глюк на выходе из приступа. Вскакиваю на все четыре лапы – еще там, у границы небытия. Тянусь – к этим рукам, к этому за-

паху... к шуму летнего дождя, грохоту прибоя и колокольным переливам – в «не здесь». Не в этом проклятом городе – и не в это проклятое время...

И – почти что выворачиваясь наизнанку от долгожданного кашля, прихожу в себя.

Тут же меня окатывает ледяной волной. Надо мной монументом возвышается Дарий с пустым ведром в руках, а поодаль жмутся к двери вагончика три жалкие тени – помощники мои.

– Оклемался, – констатирует Дарий. Обернувшись, цыкает на молодежь: брысь отсюда, старшим поговорить надо. Мальчишек словно ветром сдувает.

Я приваливаюсь к стене. Молчу – пытаюсь почуять, что сейчас скажет мне мой закадычный друг, благодетель и начальник. Хотя чего там чуять, у него все на лице написано. Крупным шрифтом.

– Йиржи, – начинает он заботливо. – Ты как? Встать можешь?

– Да все я могу! – огрызаюсь я. – Не темни. Говори уже, что ты решил со мной...

Дарий опускает глаза.

– Ну... ты же сам все понимаешь. Держать тебя в мастерской в таком состоянии – это тебя подставлять и самому подставляться. К тому же, и указ этот новый, сегодняшний... Орден Ткачей – вне закона, а значит, и вы – тоже, и окончательно. Ну, влезь в мою шкуру: мне-то – что делать? Пока ты

от удушья не синеешь да «лучами» через всю морду не покрываешься, никому и в голову не придет, что ты – из этих... Но ведь приступы – участились.

– Вранье, – мрачно перебиваю я. – ничего не участилось. Этот – третий за полгода. И первые два ты не видел, они ночью были, а к утру – я уже как огурчик, по самую ботву в солярке... Эти тебе стукнули насчет меня, что ли? – киваю в сторону радиоточки у костра.

– Ну, не стукнули..., – Дарий смутился. – Но должен же я знать, что у меня на базе происходит. Что – с тобой происходит. Ты же мне – не скажешь. Да ты сам посуди, ты не на кого-нибудь, на самого советника напоролся. Почти уже в приступе. И голову прозакладываю: ни на грош он мне не поверил, что ты с бодуна. Он таких, как ты, толпами видел...

– Толпами, говоришь... Таких, как я... Ну так что, мне – сейчас убираться? Очищать от себя-такого твою территорию?

– Нет, зачем же прямо сейчас, – Дарий засуетился. – Ты переночуй по-человечески, вещи свои собери. А потом я тебя, куда скажешь, отвезу самолично.

Поднимаюсь на ноги, снимаю с веревки полотенце, вытираю мокрую голову и шею. Раздумываю, что мне лучше сделать: то ли в глаз Дарию засветить за всю его доброту неопишущую, то ли послать и его, и мастерскую к Низинной Праматери последними словами. Выбираю третье. Подхожу к Дарию, хлопаю его по плечу:

– Ну, спасибо тебе, что не сдал.

И, не обернувшись, выхожу из вагончика.

...Вечереет. Солнце – оранжевая фара – бьет прямо в глаза. Стою за воротами, возле развалин кострища, старый тополь подпираю. И – не хочется, до чертиков не хочется мне сейчас на базу. Тошно видеть и Дария, и парней. И вагончик этот вонючий... последний оплот твоей свободной жизни, Лис, подумать только!

Пытаюсь взять себя в руки, получается так себе.

Не в Дарии совсем дело. Я и злился – то на него только первые несколько минут... Он ведь, если разобраться, сделал для меня все, что только мог. Разве мы вправе требовать, чтобы кто-то и дальше рисковал ради нас?

А дело все в том, что – хочешь-не хочешь, а, видимо, придется перебираться в Заречье насовсем. А оно – та же удавка Тени. Просто душить ею тебя будут – помедленнее. Как и всех, кто нашел убежище в зареченских «пятнашках». А потом одномоментно – хлоп! – и нет вас всех, словно и не бывало.

Мы ведь никогда не были особо дружны между собой. Ненация, не-сообщество, не-каста. Не-люди. Мутанты-одиночки, сорняки в тучных низинных полях. Дети ущербной луны. Каждый, как в капсуле, – заперт в своей оборотнической сути. И приспособливается как может. Расталкивая собратьев, которые запросто выхватят из твоей пасти с трудом добытый

кусок. А потом еще и по-свойски отпинают за раззявистость.

До этого, последнего, Безвременья не-люди никогда не селились кучно. Один на несколько околотков. Родных покидали рано. Кто-то сам уходил. А кого-то родственники вышвыривали за порог: баста, хорош родню позорить, какому-никакому ремеслу обучен – с голодухи не помрешь. Люби нас, братец, ходи мимо.

Были и такие, кого изгоняли из рода так рано, что они едва помнили мать и отца...

И свои семьи не-люди не спешили заводить. Женильба – это дети. И в большинстве случаев – тоже не-люди. А кто пожелает своему детенышу такой же участи: всю жизнь – на коротком поводке. У города, который тебя изо всех сил отторгает – и полосует кнутом, как шелудивого пса, стоит лишь попасться на глаза хозяину.

И никуда от него не сбежать...

Зато мастера из наших получались – отменные. Ремесленники, золотошвеи, ювелиры... У нас в Низинах даже приписка ходила: не-людя приютить – под золотой дождик угодить. Уж на что я шалопай шалопаем был в своем ремесленном училище, но и ко мне ведь в мастерскую очереди заказчиков стояли. И Дарий не напрасно на меня свой хлеб переводил...

Эх, Дарий... сколько я его знаю, ему всегда было плевать на то, из-за чего наших сторонились все остальные. На то,

что время от времени мы - *уходим*. Чаще всего на ущербе луны. Уходим - в то, чего здесь нет и быть не может. Каждый в свое. Я вот - в лес. Еловый, мрачный, пахнущий сырой землёй, хвоей - и тёплой кровью... Уходим - полностью, в обороте. И - заболеваем, если нас этого лишить. А возвратившись, переодевшись в людское обличье, какое-то время смотрим - оттуда... замечаем - невидимое человечьему глазу. И ох как это всегда бесило окружающих...

Дария - нет. Он принимал это – ну вот как я принимал его фанфаронство перед девчонками. Закидон, особенность характера, не более. Мне потому и было с Дарием легко – до недавнего времени. До Безвременья - так будет вернее.

... Я и не заметил, как солнце скатилось за Вспольинский мост. Стало зябко – и сразу все как-то потухло, что ли. И безнадега, и обиды мои дурацкие. Накинуть куртку, согреться. Пойти выпить горячего чаю, сдобренного ромом – полную пиалу, так, чтобы огонь по жилам разбежался. И поесть как следует – перед тем, как выдвигаться в путь. Насущное – вот единственно верное лекарство от всяких неразрешимостей.

Подумал так – и легче стало, словно в крошечной тьме я фонарик нашарил и включил. Заровнял землей холодные угли и ошметки женой покрышки, прикрыл ворота на базу – на ночь их запрет Ук, уже после того, как я отбуду. Зашагал по битому кирпичу вдоль гаражной стены. К теплоте окошку нашего жилья – собираться.

В стылых сумерках плыли чьи-то тихие голоса. У самой сторожки мне навстречу всколыхнулись три силуэта. Эч, Ук и Ога.

– Мужики, вы-то чего здесь мерзнете? – бросаю в сторону вагончика.

– Тебя ждем, – улыбается во весь рот Эч, протягивает мне какой-то мешок. – Держи. Баранина. В дороге поешь. Сами коптили.

Не успеваю ничего возразить, как ко мне подсакивает Ога. Пыхтя, сдирает на ходу с шеи какой-то амулет:

– Вот, Дилги, это тебе. Яджисуу, ключ дороги. От прадеда мне достался. Он рабочий, старый совсем. Прадед берег его.

На его ладони – маленький неровный серп медного месяца с глазом-бусиной посередке. На кожаном шнурке.

– погоди, – отвожу его руку. – Это же тебе было отдано, как я могу принять...

– Мне яджисуу уже без надобности, – смеется Ога и надевает амулет мне на шею. – Я в силу вхожу, скоро сам такие делать начну. Не хуже прадеда. А тебе – поможет. От пути неверного обережет, злых людей отведет. И ко мне возвратится – как только твоя дорога тебя выведет куда надо. Ты не сомневайся.

Оборачиваюсь – на осторожное похлопывание по спине.

– Дилги, ты прости. Если можешь, не сердись на нас, – Ук не поднимает глаз. – На меня. Это ведь я о тебе Дарию

рассказывал. Я думал, так надо – вы друзья, он беспокоится. Думал, он поможет, если будет знать... А теперь тебя выгоняют. Из-за меня, – парень опускает голову еще ниже. – Вот, возьми. Тебе деньги сейчас не лишними будут, – и протягивает мне набитый монетами пояс – тот самый. Свадебный. Ради которого горбатился в мастерской, не разгибаясь, больше года – с тех пор, как лоцманы доставили Ука вместе с прочим «мотылем» в Низины и за сходную цену передали Дарию.

– Что за ерунда! – встряхиваю его за плечи. – Ты ни при чем. Да и Дарий тоже. Так карта легла. Нельзя мне больше здесь оставаться.

Запихиваю пояс в карман его куртки:

– И не смей больше свадебными деньгами швыряться. Они не твои – они невесты твоей. Ждет ведь?

– Ждет..., – улыбается мечтательно. – По весне уеду. Насовсем... Дилги! Вот если б ты у нас на свадьбе был – знаешь, как я был бы рад! Уезжай к нам, Дилги. Сейчас уезжай! Я матери весточку пошлю, наши тебя примут, – братом мне будешь! У нас в Нагорье – воля! Никто не посмеет за тобой охотиться, и нужды ты знать не будешь...

Усмехаюсь. Мелкий он еще, Ук. Хоть и жениться собрался. Ничего в жизни не понимает.

– Эх, пацан... Ты хоть знаешь, кого в братья-то зовешь?

Мальчишки переглядываются – и вдруг начинают хохотать.

– Ай, Дилги, ну ты и насмешил, однако, – вытирает слезы Ога. – У нас на оог-дзи глаз наметанный. В каждом роду кто-нибудь из ваших есть. У меня – прадед и бабка. У Эча – брат отца. Только в Нагорье их не ловят и не убивают. Их почетом окружают – и шаманы из них самые лучшие. Потому что им лунный путь искать не надо – он через них и проходит, они его собой открывают.

– А правда, лучше бы тебе к нашим, – Эч задумчиво чешет переносицу. – Как это нам сразу в голову не пришло... Давай, а? Мои тоже тебе рады будут, я о тебе им писал.

Смотрю на них, подручных моих, с кем бок о бок столько месяцев в мастерской отпахали. И словно заново вижу. И... честное слово, так странно мне стало. Легко так. Будто оттаяло во мне что-то. Наледь стряхнуло – и потянулось в рост. Что-то очень опасное: от него твоя ороговевшая шкура идет трещинами – и становится нестерпимо тесна, и перестает быть броней и защитой. Опасное – и уж точно не нужное в дальнейшем твоём пути.

Изо всех сил бью раскрытой ладонью в железную обшивку вагончика:

– Ладно, парни, будет вам в родственники кого ни попадая звать. Тем более, я – не вы, меня этот город живьем не выпустит, – и мысленно прибавляю: «Знаем, плавали... по граблям ходили». – Пойду я собираться. Время не ждет. Мне тут одно дело еще надо завершить. Хотя бы напоследок. Прежде

чем в Заречье утечь насовсем.

В ответ на это Ук и Эч деловито топают к мастерской, распахивают створки, исчезают в провале, спотыкаясь и тихо переругиваясь в темноте.

– Если что, все готово. Топлива – полные баки, – Ога подмигивает многозначительно. – И из дальнего гаража за мостом мы его уже сюда перегнали.

– Кого – его?

– Автобус. Мэрский. Который ты нам чинить не даешь, – ухмыляется Ога. – Думаешь, мы дураки последние, дальше своего носа не видим? Ты каждую ночь исчезаешь. Автобус исчезает. Тоже на всю ночь. А до этого – грузовик. А до грузовика – фургон. Сложить два и два...

– Давно догадались? – только и остается мне сказать. Автобус, негромко ворча, вываливается из мастерской и замирает шагах в десяти от нас. Из кабины выпрыгивает Ук и машет Эчу, чтобы тот запирал ворота. Ога самодовольно скалится:

– Как только ты стал в дальний гараж все долгосрочные заказы перегонять. Он от базы за несколько кварталов. В безлюдном месте стоит. Если ночью машину вывести, никто не услышит. Уезжаешь – ну, значит, тебе так надо. Мы лишнего и не спрашивали. Но Дарию мы об этом ни намеком не проворились, тут ты будь спокоен.

Эч перебивает его, взмахивает рукой – словно команду отдает:

– Хватит разговоров, пошли в сторожку, ужин стынет! Зря я вам чоргым варил, что ли?

3.

... И вот опять перед глазами – выхваченный фарами серый плат дороги да вежи телеграфных опор. То ли виселицы, то ли позорные столбы, распахнувшие для тебя свои объятия. Они разбивают собой полосы тумана: после дневного солнцепека ночь выдалась промозглой. Не холодной – ледяной, даже для октября. В кабине меня проморозило до костей, несмотря на тёплую форменную тужурку. Её я надевал на все свои ночные вылазки. В ней, да еще и на казенном автомобиле, меня принимали за водителя из городской управы – и почти никогда не докапывались с проверкой документов.

А еще в потайном кармане этой тужурки я перевозил деньги. Те, какие удавалось наскрести жителям зареченских «пятнашек», чтобы обменять на еду у оборотистых проводников на Запятьевском разъезде. Эти – и еще немного своих, все, что мог подкинуть в общую кассу. Справедливо рассуждая: это сейчас тебе, Лис, везет. А случись что – и сам ты окажешься рядом с зареченскими сородичами. Без хлеба и в полной изоляции.

Ну вот, собственно, и случилось.

Последний мой рейс – в один конец. В Заречье. Как ни крути, а это – все-таки разумнее, чем крысой прятаться по городским развалинам. Дожидаясь, пока попадешь в облаву

– или свалишься где-нибудь в приступе удушья на глазах у добропорядочных и законопослушных граждан.

А в Заречье мы сообщаем что-нибудь да придумаем. Не может такого быть, чтобы выхода не нашлось.

... Пустынная окружная резко сворачивает к промзоне, и вот уже мой автобус мчится по дну ущелья из заброшенных заводских корпусов. Эхо доносит шум железнодорожного перегона, паровозные гудки и окрики дежурных на станции. Уже близко.

Перед Путейским виадуком останавливаюсь у караульни. Приоткрываю окно кабины, приветливо взмахиваю рукой – и улыбаюсь так жизнерадостно, как только умею. Протягиваю сквозь окно документы: проверяйте, скрывать нечего! Патрульные бумагами нисколько не интересуются. Машут мне: проезжай, мол, знаем тебя – ты горуправский шофер, и рожа твоя нам давно примелькалась.

Примелькалась – не то слово. За последние полгода я мотался сюда не меньше трех раз в неделю. Нет, я не был единственным, кто возил зареченским не-людям провиант и необходимые вещи. Но я был – постоянным. «Челноки» менялись часто: от торговли с «пятнашками» выгоды – с кулачок, а опасностей – с пуд. За эту работенку брались, в основном, лоцманы. Не прокаленные хваткие мужики вроде Рыбы, а молодежь. Те, кому еще хотелось свою жизнь поменять, на выкуп из гильдии скопить – и найти себе занятие почище. Я их понимал. Для меня это тоже было – выкупом. От-

купом от участи тех, кому я продукты вожу. Я потому и не наживался на своих поездках, и денег с зареченских не брал. Так что – бескорыстием с моей стороны это даже и близко не пахло, сделка как сделка – только не с себе подобными, а с судьбой.

...Когда приходил состав из Нагорья, Запятьевский разъезд вскипал. Яростно и быстро торговались и обменивались товарами, молниеносно выгружали мешки и ящики, стремительно рассчитывались. Остро пахло пряностями, запотевшими в ладонях монетами, азартом и спешкой. Полчаса вулканической активности, гудок паровоза – и станция снова погружалась в сонный полумрак. Так было с незапамятных времен, когда мы с Дарием, два сопливых пацана, бегали сюда дырять мешки и таскать нагорский урюк и смокву прямо из-под носа у зазевавшихся «челноков».

Но сегодня поезд не встречал никто – лишь какой-то бомж ковылял вдоль состава, то и дело наклоняясь и склевывая грязной пятерней чинарики с асфальта. Проводники рассеянно и мрачно курили на ступеньках вагонов. Мужичонка в засаленном картузе впихивал в руки одного из них матерчатый тюк, откуда лился свадебной метелью кусок кружева. «Наше, заречное, - горечью плеснуло в сердце. – Вот и символы ткаческих благословений – нарядной кромкой : никому, кроме хромой Аны, такое не выплести. Отдала, небось, этому типу, чтобы тот на продукты выменял. А он сейчас деньги по карманам распахает – да и был таков. А что? – но-

вый указ, святое дело не-людя обобрать!»

Меня, меж тем, окликают. Я знаком со всеми привозящими товар, я свой, и мне давно уже не приходится терять время на торговые перепалки: цену мне назначают самую правдивую и с провизией не обманывают. Быстро вытаскиваем мешки и ящики на перрон, я рассчитываюсь. В двух словах объясняю, что у нас тут творится. В общий поток проклятий вставляю пару заковыристых оборотов в адрес Совета двадцати, мэра, полиции и Низин в целом. Прощаемся. Вслушиваюсь в гудок паровоза – и остаюсь в станционной полутьме.

... Свет фонарей – застывшие иглы. Воздух – ледяная соль: обжигает гортань холодом, вызывает жажду.

Но мне жарко – так, что пар от спины валит. Я тороплюсь. Укладываю ящики и мешки на пол и на сиденья автобуса, плотно-плотно – так, чтобы уместить все выторгованное. Мне повезло. Проводники отдали мне за полцены все, что привозили обычно для четверых таких «челноков». Видимо, понимая: отошла коту масленица, накрылся наш базар на Запятьевском разъезде, что уж тут мелочиться...

Закидываю в салон пару баулов, оборачиваюсь, чтобы подхватить остальное. На мешках восседает давешний бомж, с почти целой папиросиной в зубах. Костистый старый мужик в раздерганном путевском бушлате чуть ли не на голое тело. Клешмятые руки, длинные засаленные космы, едкий прищур рысых глаз. Глядит на меня – молча, присталь-

но. Извлекает из-за обшлага спички, закуривает, глухо булькает кашлем. И все это – неспешно, с какой-то подспудной издевочкой. Терпение мое испытывает.

Не выдерживаю:

– Шел бы ты, папаша...

– Куда? – с готовностью подхватывает бомж. – Удиви меня – назови-ка адресок, где я еще не бывал!

Злобно сплевываю себе под ноги:

– Монет не дам. Всё с проводниками уехало. Уйди, не мешай – не видишь, что ли, – мне товар надо догрузить.

– Помочь? – осведомляется бомж и, не дожидаясь ответа, подхватывает мешок и тащит его к автомобилю. Беру оставшийся, и вместе мы заталкиваем мешки в салон, а потом залезаем в кабину.

– Куда тебя отвезти? – спрашиваю у старикана. Тот машет неопределенно:

– А... прямо. Куда сам поедешь. Я скажу, где меня выкинуть.

...Вопреки моим опасениям, старик всю дорогу от Запятья до окружной молчит. Не повествует о своей горькой судьбине, не кланчит сочувствия – и мне в душу не лезет. Смотрит перед собой, не шелохнется, глазом не моргнет. Прямой, косматый, тёмный. От этого становится не по себе: будто я не живого человека, а лесовика с собой со станции прихватил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.